

Золотая клетка

Автор:

[Камилла Лэкберг](#)

Золотая клетка

Камилла Лэкберг

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

ПЕРВЫЙ РОМАН НОВОЙ СЕРИИ КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ

Ее называют «шведской Агатой Кристи». Камилла Лэкберг – ведущий автор среди прославленных мастеров скандинавского детектива. Первый же ее роман стал мировым бестселлером – как, впрочем, и каждый последующий. Лэкберг входит в десятку самых популярных писателей Европы. Ее книги переведены более чем на 30 языков и проданы тиражом более 20 млн. экземпляров.

Фэй отдала мужу всю свою жизнь. Она сделала Яка тем, кем его знают сейчас, – одним из самых успешных бизнесменов Швеции, мультимиллионером, медийной знаменитостью, счастливым отцом... Однако Як забыл о этом. И существование Фэй превратилось в кошмар. Постоянные издевательства и унижения, презрение и измены... Она стала для него никем – жалкой птичкой в золотой клетке. А теперь Як собирается попросту выбросить надоевшую жену на улицу.

Но он и понятия не имеет, какое темное и страшное прошлое за плечами у Фэй. Теперь пришла пора о нем вспомнить. Что только не сделаешь ради мести за растоптанное сердце...

Камилла Лэкберг

Золотая клетка

Camilla Läckberg

En bur av guld

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I

– Может быть, она просто ранена?

Она сидела, глядя в стол, не в силах встретиться с ним глазами.

Краткое сомнение. Потом сочувствующий голос:

– Там очень много крови. Из такого маленького тела... Но я не хочу строить догадки, пока врач не сделал заключение.

Фэй кивнула. Ей дали воду в прозрачном пластиковом стаканчике, она поднесла его к губам, но все тело сотрясилось, так что несколько капель упали на подбородок, вода стала стекать на блузку. Светловолосая женщина-полицейский с добрыми голубыми глазами подалась вперед и протянула ей салфетку.

Фэй медленно вытерлась. От воды на шелковой блузке останутся некрасивые пятна. Словно это имеет какое-то значение...

– У вас нет никаких сомнений? Вообще никаких?

Женщина-полицейский переглянулась с коллегой, потом покачала головой и ответила, тщательно подбирая слова:

– Как я уже сказала: врач должен сделать заключение исходя из того, что обнаружено на месте преступления. Но на нынешнем этапе все указывает на одно: ваш бывший муж Як убил вашу дочь.

Фэй закрыла глаза и подавила всхлип.

Жюльенна наконец-то заснула. Волосы разметались по розовой наволочке. Дыхание стало ровным. Фэй нежно погладила ее по щечке – осторожно, чтобы не разбудить дочь.

Сегодня вечером Як должен вернуться из Лондона. Или из Гамбурга? Фэй точно не помнила. Вернется уставший и задерганный, как всегда после деловой поездки, но она позаботится о том, чтобы он расслабился.

Осторожно закрыв дверь спальни, чтобы не разбудить Жюльенну, она выскользнула в холл и проверила, заперта ли входная дверь. В кухне провела рукой по столешнице. Три метра белого мрамора. Каррарского, ясное дело. К сожалению, это оказалось весьма непрактично, ибо пористый мрамор впитывал все, как губка, – на нем уже образовались некрасивые пятна. Однако Як и слышать не хотел о том, чтобы выбрать нечто более приземленное. Кухня в квартире на улице Нарвавеген обошлась примерно в миллион – не сэкономили ни на чем.

Потянувшись за бутылкой «Амароне», Фэй выставила на столешницу бокал. Стук бокала о мрамор, бульканье вина – вот к чему сводилось ее существование в те вечера, когда Як отсутствовал. Осторожно налив себе красного вина – чтобы оно не пролилось, оставив очередное пятно на белой мраморной поверхности, – она закрыла глаза, поднося бокал ко рту.

Уменьшив освещение при помощи диммера, вышла в прихожую, где красовалась черно-белая фотография ее, Жюльенны и Яка. Снимок сделала Кате Габор – неофициальный придворный фотограф, которая каждый год делала новые обворожительные фотографии королевских детей, играющих среди осенних листьев в невероятно белой одежде. Они с Яком решили сделать летние фото. Оба стояли на пляже у кромки воды – веселые, раскрепощенные. Жюльенна – между ними, с растрепанными ветром светлыми волосами. Разумеется, все в

белом. Сама Фэй – в простом льняном платье от «Армани», Як – в рубашке и закатанных штанах от «Хьюго Босс», Жюльенна – в кружевном платье из детской коллекции Стеллы Маккартни. Прямо перед фотосессией они поругались. Фэй уже не помнила, из-за чего, знала только, что сама была виновата. Но на портрете – никаких признаков ссоры.

Фэй поднялась по лестнице. Застыла у двери в кабинет Яка, но потом все же открыла ее. Комната располагалась в башне с видом на все четыре стороны света. «Уникальный план, уникальный дом», – как сказал маклер, показывавший им квартиру пять лет назад. Жюльенну она тогда носила под сердцем, а в голове теснились самые светлые картины будущего.

Эту комнату в башне Фэй очень любила. Открытое пространство и свет изо всех окон давали ей ощущение полета. А сейчас, когда за окнами повисла непроницаемая тьма, смыкающиеся к потолку стены окружали ее, словно теплый кокон.

Кабинет обставляла она – как, впрочем, и всю квартиру. Выбирала обои, книжные шкафы, письменный стол, фотографии и произведения искусства на стенах. И Яку понравилось то, что она создала. В ее вкусе он никогда не сомневался, к тому же всегда безгранично гордился ею, когда гости просили телефон их дизайнера.

В эти мгновения он позволял ей сиять в лучах славы.

Если все остальные комнаты были обставлены в современном стиле – светлые и воздушные, – то кабинет Яка выглядел более тяжелым и мужественным. На обустройство этой комнаты Фэй потратила больше сил, чем на детскую для Жюльенны и все остальную квартиру, вместе взятые. Здесь Як будет проводить много времени, здесь будет принимать важные решения, влияющие на будущее их семьи. Самое малое, что она могла сделать, – создать для него этот оазис, почти под облаками.

Фэй с удовлетворением провела рукой по письменному столу Яка, который выиграла на аукционе Буковски, – когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як был не особым ценителем Бергмана, предпочитая боевики с Джеки Чаном или комедии с Беном Стиллером, но ему, как и ей, нравились вещи с историей.

Когда они показывали квартиру гостям, он всегда похлопывал по столу ладонью и упоминал – как бы между делом, – что этот прекрасный предмет мебели стоял когда-то в доме всемирно известного кинорежиссера. Каждый раз, когда он так делал, Фэй улыбалась, потому что, произнося эти слова, Як обычно смотрел ей в глаза. Это было еще одно из тысячи мгновений, объединявших их в жизни. Эти доверительные взгляды, крошечные незначительные и значительные события, из которых складывались отношения...

Опустившись в кресло перед компьютером, Фэй повернулась вполборота и оказалась лицом к окну. За стеклами падал снег, превращаясь где-то далеко внизу в грязь на асфальте. Подавшись вперед и глянув вниз, она увидела, как в темноте февральского вечера пробирается машина. На углу Банергатан водитель повернул руль и исчез в направлении центра. На мгновение Фэй забыла, зачем пришла, почему сидит в кабинете мужа. Так легко раствориться в темноте, когда тебя гипнотизируют снежинки, падающие сквозь черноту...

Поморгав, она уселась прямо и вернула кресло в прежнее положение, оказавшись лицом к огромному монитору, тронула мышью – и экран ожил. На мгновение Фэй задалась вопросом, что Як сделал с ковриком для мыши, который она подарила ему на Рождество, – с фотографией ее и Жюльенны. Вместо этого у него был теперь некрасивый синий коврик с логотипом «Нордеа». Подарок клиентам, воспользовавшимся услугами персонального банковского обслуживания.

Пароль она знала – «Julienne2010». Во всяком случае, на экране в качестве заставки у него не «Нордеа», а та фотография, где он снял ее с Жюльенной в Марбелле. Они лежали в полосе прибоя, Фэй подняла дочь над собой на вытянутых руках, к синему небу. Обе смеялись, но смех самой Фэй скорее угадывался, поскольку она лежала на спине, а волосы ее рассыпались по песку. Синие глаза Жюльенны смотрели прямо в объектив фотоаппарата. В глаза Яка – такие же синие.

Подавшись вперед, Фэй оглядела свое тело на снимке – загорелое, глянцевое от соленой воды. Хотя после родов прошло всего несколько месяцев, она была в лучшей форме, чем сейчас. Живот плоский. Руки тонкие. Бедра стройные и упругие. Сейчас, спустя три года, она весила килограммов на десять больше, чем тогда в Испании. А то и на все пятнадцать. Давно уже она не решалась встать на весы...

Оторвав взгляд от своего тела на экране, Фэй открыла браузер, зашла в историю просмотров и написала в окошке поиска слово «порно». На экране один за другим появились ссылки, в хронологическом порядке. Как легко отследить сексуальные фантазии Яка за последние месяцы! Просто энциклопедия его страстей. «Сексуальные фантазии для чайников».

26 октября он посмотрел два клипа: «Русских девчонок трахают большим членом» и «Тощую девчонку brutally трахают». Как ни относишься к порноиндустрии, но названия фильмов были предельно конкретными. Никаких экивоков. Никаких попыток приукрасить, смягчить, затушевать то, что будет показано и чего ищет потенциальный зритель. Прямой диалог, открытая и честная коммуникация.

Сколько она его помнит, Як всегда смотрел порнуху – да она и сама иногда смотрела, когда оставалась одна. Фэй презирала подруг, которые утверждали, что их мужьям и в голову не пришла бы мысль смотреть порно. Типичный пример психологического механизма вытеснения.

Прежде увлечение Яка порнографией не влияло на их интимную жизнь. Мужа хватало и на то, и на это. Но теперь он больше не приходил к ней, хотя продолжал искать удовлетворения у «тощих девчонок».

Спазм в животе нарастал с каждым клипом. Девочки были все, как на подбор, юные, стройные и покорные. Яку всегда нравились молодые и стройные. Не он изменился – изменилась она. Разве не таких женщин хочет большинство мужчин? Когда живешь в Эстермальме^[1 - Эстермальм – один из самых фешенебельных районов Стокгольма. – Здесь и далее прим. пер.], о старении и прибавке веса даже речи быть не может. Во всяком случае, если ты – женщина.

В последний месяц Як раз семь-восемь смотрел один и тот же клип. «Школьницу brutally трахает учитель». Фэй нажала на «воспроизведение». Совсем юная девчушка в короткой клетчатой юбочке, белой рубашке, галстук, гольфах и косичках в духе Пеппи Длинныйчулок страдает от проблем в школе. Самые большие трудности у нее с биологией. Встревоженные ответственные родители нанимают ей репетитора и оставляют ее одну дома. В дверь звонят. Появляется мужчина лет сорока, в пиджаке с заплатками на локтях, с портфелем в руке. Они заходят в светлую просторную кухню. Девочка приносит учебники, открывает на нужной странице. Они повторяют мышцы человеческого тела.

– Я буду называть мышцы, а ты будешь показывать их на себе – справишься? – говорит учитель бархатным голосом.

Девочка делает большие глаза, кивает и оттопыривает губки. Две мышцы она показывает правильно. Когда он называет *gluteus maximus* – большую седалищную мышцу, девочка слегка приподнимает юбочку, так что в кадре виднеется кружево на трусиках, и показывает внешний край паховой складки. Учитель с улыбкой качает головой.

– Встань, я покажу, – говорит он.

Она отодвигается вместе со стулом и встает. Он протягивает свою большую руку и медленно ведет ею по ноге девочки от колена вверх, под юбку. Задирает юбку еще выше и отводит в сторону край трусиков. Заводит туда палец. Девочка стонет. Идеальный порностон. Однако с намеком на изумленную невинность и легкое чувство вины. Признание зрителю, что она понимает – ей не следует так себя вести. Это запрещено. Но она не может сдержаться. Искушение слишком велико, чтобы устоять.

Он вводит в нее палец и движет им туда-сюда. Потом кладет ее на стол и трахает. Она кричит, стонет, царапает стол. Просит еще. Все заканчивается тем, что он просит ее снова надеть очки – упавшие в процессе – и кончает ей на лицо. С лицом, искаженным от наслаждения, и полуоткрытым ртом школьница принимает в себя сперму.

Где еще, как не в порнофильмах, с такой ясностью показано, как высоко мужчины ценят свою сперму. Ее выдают исполненным страсти, восторженным женщинам с полуоткрытыми ртами, словно самый драгоценный дар.

Фэй выключила компьютер, кликнув пару раз мышью по уродливому коврику с логотипом «Нордеа». Если Яку нужно такое, то он это получит.

В гардеробной у Фэй нашлось все необходимое. Она взглянула на часы. Половина десятого. Самолет Яка вот-вот приземлится, скоро муж сядет в такси. Само собой, в Арланде у него VIP-класс обслуживания, так что от аэропорта он доберется быстро.

Она быстро приняла душ и сбрила небольшую щетину на лобке. Ополоснув все тело, нарядилась – не так, как делала это обычно, а небрежнее, по-молодежному. Обильно нарядила щеки, не пожалела туши и – как вишенка на торте – обвела губы ярко-розовой помадой, которую нашла на дне ящичка с косметикой и которую наверняка получила в пакетике с рекламной продукцией на каком-то мероприятии.

Як получит не ее – не Фэй, свою жену, мать своего ребенка, – а другую, молодую, нетронутую. Как раз то, что ему нужно.

Выбрав один из тонких серых галстуков Яка, Фэй завязала его небрежным узлом. Надела очки для чтения, которыми он стеснялся пользоваться при других и потому прятал, когда к ним приходили гости. Прямоугольные, черные, от «Дольче и Габбана». Фэй оглядела в зеркале конечный результат. Она выглядела на десять лет моложе. Такой она была, когда уезжала из Фьельбаки.

Ничья жена. Ничья мать. Идеально.

Фэй проскользнула в комнату Жюльенны, чтобы взять одну из ее тетрадок и карандаш с розовой бахромой. На мгновение замерла, когда дочь забормотала во сне. Проснулась?.. Нет, вскоре вновь послышалось размеренное дыхание.

Фэй зашла в кухню, чтобы подлить себе еще вина, но потом остановилась и выдвинула ящик с пластиковыми стаканчиками Жюльенны. Достала большую кружку с крышкой и трубочкой и с изображением Хэллоу Китти на боку, налила себе в нее красного вина. Супер.

Когда в замке повернулся ключ, Фэй сидела и листала «Экономист» – журнал, который Як упорно клал на видном месте. В семье его читала только она.

Як поставил на пол чемодан, снял ботинки и засунул в них кедровые колодки, необходимые, чтобы сохранить форму его итальянских ботинок ручной работы из мягкой кожи. Фэй сидела неподвижно. В отличие от ее обычного сдержанного блеска для губ от «Ланком», розовая помада прилипла к губам и издавала синтетический запах.

Як осторожно открыл холодильник. Ее он все еще не заметил. Двигался тихо – видимо, думал, что они с Жюльенной спят.

Фэй наблюдала за ним со своего места в неосвещенной гостиной. Как посторонний, заглядывающий в окно, она могла наблюдать за мужем, когда тот не подозревал об этом. Обычно Як всегда пребывал в напряжении. Сейчас, когда думал, что его никто не видит, он и двигался по-другому – раскрепощенно, почти небрежно. Его обычно такая статная фигура слегка ссутулилась – не сильно, но достаточно, чтобы жена, так хорошо его знавшая, заметила разницу. Лицо разгладилось, исчезла озабоченная морщинка, которая в последнее время все чаще появлялась между бровей – в том числе и в ситуациях неформального общения, так тесно связанных с его карьерой, с их жизнью, где смех и звон бокалов могли привести к многомиллионной сделке, заключенной на следующий день.

Она вспомнила Яка молодым, когда они только-только познакомились. Лукавый взгляд, радостный смех, ненасытные руки, постоянно прикасавшиеся к ней...

Свет из холодильника осветил лицо Яка – Фэй не могла оторвать от него глаз. Она любила его. Любила его широкие плечи. Любила его большие руки, которые сейчас взяли пакет с соком и поднесли ко рту. Скоро они будут прикасаться к ней... Боже, как она соскучилась!

Вероятно, от вожделения Фэй слегка пошевелилась, потому что муж внезапно повернулся лицом к блестящей дверце духовки и увидел отражение ее фигуры. Вздвогнув, он резко обернулся, все еще держа в руке пачку сока. Потом отставил ее на кухонный островок.

– Ты не спишь? – спросил он. Между его красивых бровей вновь пролегла морщинка.

Фэй не ответила, молча поднялась и приблизилась к нему. Его взгляд скользил по ее телу. Давно он не смотрел на нее такими глазами.

– Иди сюда, – мягко проговорила она.

Як закрыл дверь холодильника, и кухня вновь погрузилась во мрак. Но свет огней города освещал все достаточно, чтобы они могли видеть друг друга. Обогнув кухонный островок, он обтер губы тыльной стороной ладони и наклонился, чтобы поцеловать жену. Но Фэй отвернула лицо и силой усадила его

на стул. Сейчас дирижировать будет она. Оттолкнула его руку, потянувшуюся к ее юбке, и в следующую секунду приложила его ладонь к своим коленям. Задрала юбку, чтобы муж мог увидеть ее кружевные трусики в надежде, что он их узнает – увидит, что они такие же, как у той, юной и невинной.

Его рука скользнула вверх, и она не смогла сдержать стон. Вместо того чтобы отодвинуть трусики в сторону, как в фильме, Як сорвал их. Она снова застонала, уже громче, склонилась к столу, выгнула спину, пока он расстегивал брюки, стянув их вниз одним рывком вместе с трусами. Взяв ее за волосы, пригнул ниже к столу. Налег на нее всей своей тяжестью, целуя и кусая ее в затылок – она ощутила запах апельсинового сока, смешанного с виски из самолета, – решительным движением раздвинул ее ноги, встал позади и вошел в нее.

Як брал ее сурово и агрессивно, и с каждым толчком край стола врезался ей в диафрагму. Он делал ей больно, но боль казалась облегчением, заставлявшим ее забыть обо всем, сосредоточиться на наслаждении.

Она принадлежит ему. Ее наслаждение принадлежит ему. Все ее тело принадлежит ему.

– Скажи, когда будешь кончать, – простонала Фэй, прижимаясь щекой к холодной крышке стола, на которой остались липкие следы от помады.

– Сейчас, – пропыхтел Як.

Она встала перед ним на колени. Тяжело дыша, он ввел свой член ей в рот. Схватив ее за затылок обеими руками, стал протискиваться глубже. Борясь с рвотным рефлексом, Фэй изо всех сил старалась не отвернуть голову. Принимать. Всегда покорно принимать.

Она видела перед собой сцену из порнофильма и, когда Як кончил, с наслаждением увидела на его лице то же выражение, которое было у учителя, когда он брал юную невинную девочку.

– Добро пожаловать домой, мой дорогой, – проговорила Фэй с вымученной улыбкой.

Это был один из последних случаев их интимной близости в браке.

Стокгольм, лето 2001 года

Первые недели в Стокгольме прошли в одиночестве. Через два года после окончания школы я оставила позади Фьельбаку. Как в физическом, так и в эмоциональном плане. Спешила как можно скорее покинуть этот крошечный поселок, вызывавший у меня клаустрофобию. Он душил меня своими кукольными улочками и любопытными взглядами людей, никогда не оставлявшими меня в покое. С собой в путь я взяла пятнадцать тысяч крон и самые высокие баллы по всем предметам.

На самом деле я давно уже мечтала уехать. Но на практические дела ушло куда больше времени, чем я предполагала. Продать дом, вымести весь мусор, прогнать привидения, навязчиво преследовавшие меня...

Воспоминания причиняли только боль. Бродя по родительскому дому, я словно видела перед собой всех: Себастиана, маму и папу. Во Фьельбаке у меня не осталось ничего. Только сплетни. И смерть.

Ничего там для меня не было. Да и сейчас нет. Так что я упаковала чемодан и села на поезд до Стокгольма – уехала, не обернувшись.

И поклялась себе никогда не возвращаться.

На Центральном вокзале Стокгольма остановилась возле урны, открыла мобильный телефон и выбросила сим-карту. Теперь никакие тени из прошлого не достанут меня. Никто не сможет гоняться за мной и угрожать мне.

На лето я сняла комнатку в том же доме, в котором находился «Фельтэверстен» – безобразный торговый центр, по поводу которого жители Эстермальма качают головой, бормоча: «Всё из-за этих социал-демократов... обезобразили наш прелестный квартал». Но об этом я тогда не подозревала. Я привыкла к продуктовому магазину «Ика» в Танумсхеде, поэтому считала «Фельтэверстен» роскошным местом.

Стокгольм я полюбила с первого взгляда. Из своего окна на седьмом этаже смотрела на элегантные фасады окрестных домов, пышно-зеленые парки, роскошные машины и думала, что в один прекрасный день тоже буду жить в одном из фешенебельных домов девятнадцатого века с мужем, тремя идеальными детьми и собакой.

Муж у меня будет художник. Или писатель. Или музыкант. Как можно более непохожий на папу. Утонченный, интеллектуальный, раскованный. Он будет красиво одеваться, от него будет вкусно пахнуть. С ним будет трудно другим, но со мной он всегда останется добр, ибо только я его понимаю.

В те первые долгие светлые ночи я подолгу бродила по улицам Стокгольма. Видела драки в переулках, когда закрывались кабаки. Слышала крики, плач и смех. Слышала «Пожарную» и «Скорую», несущихся с завыванием сирен – навстречу опасности, спасти человеческие жизни. С удивлением рассматривала проституток на центральных улицах в макияже восьмидесятых и высоких сапогах, с опухшими бледными лицами и следами от уколов в локтевых сгибах, которые они прятали в длинных рукавах блузок и свитеров. Я просила у них закурить, представляла себе их судьбы. Свобода – находиться на самом дне. Никакого страха упасть еще ниже. Порой я подумывала о том, чтобы тоже встать там – просто чтобы почувствовать, каково это, и узнать, что за мужчины покупают себе минуты продажной близости в своем «Вольво» с детским креслом на заднем сиденье, запасными подгузниками и влажными салфетками в бардачке.

Именно в это время и началась настоящая жизнь. Прошлое висело на ногах, как кандалы. Тянуло меня вниз, давило, мешало. Между тем каждая клеточка моего существа вибрировала от любопытства. Я словно бросила вызов миру. Вдали от дома, в городе, о котором мечтала всю жизнь. Я не просто хотела уехать куда-нибудь. Я мечтала попасть именно сюда. Постепенно я осваивала Стокгольм, делая его своим. Он дарил мне надежду, что раны затянутся, все забудется.

В начале июля моя квартирная хозяйка – учительница на пенсии – уехала в Норрланд навестить внуков.

– Никаких посетителей! – важно заявила она, прежде чем закрыть за собой дверь.

В тот вечер я накрусилась и выпила ее алкоголя. Джина и виски. Вишневого ликера и «Амарулы». Вкус был чудовищный, но это не имело значения – я хотела опьянеть. Опьянение сулило забвение и разливалось по телу приятным теплом.

Расхрабрившись от выпитого, я надела хлопчатобумажное платье и пошла гулять на площадь Стюреплан. После некоторых колебаний уселась на веранде кафе, которое показалось мне симпатичным. Мимо брели люди, чьи лица я раньше видела только по телевизору. Смеющиеся, опьяненные алкоголем и летом.

Около полуночи я встала в очередь перед ночным клубом на другой стороне улицы. Все нетерпеливо перетаптывались на месте, и я засомневалась, что меня вообще пустят. Попыталась вести себя как другие, подстраиваться под них. И лишь чуть позже поняла, что и они, должно быть, приезжие. Такие же растерянные, как и я, с напускной самоуверенностью.

За спиной раздавался смех. Двое парней моего возраста обогнули очередь и направились к охраннику. Кивок, рукопожатие. Все не спускали с них глаз – завистливых и очарованных. Часы подготовки, хихиканье над бокалом розового вина – чтобы потом стоять и мерзнуть за веревкой. Когда все могло бы быть так просто... Если б я что-то из себя представляла...

В отличие от меня, эти двое были из тех, кого видели и уважали. Они тут точно в своей тарелке. В тот момент я решила, что любой ценой тоже стану такой.

Как раз в эту минуту один из парней обернулся, с любопытством оглядывая человеческую массу, которую только что оставил позади. Наши взгляды встретились.

Я отвела глаза, начала рыться в сумочке в поисках сигареты. Боялась выглядеть глупо, не желала показаться той, какой и была на самом деле – деревенщина, впервые в жизни пытающаяся проникнуть в ночной клуб в столице, накачавшись для храбрости крадеными джином и ликером. Но в следующую секунду он уже стоял передо мной. Бритая голова, глаза голубые и добрые. Чуть оттопыренные уши. На нем была бежевая рубашка и черные джинсы.

– Как тебя зовут?

- Матильда, - ответила я.

Имя свое я ненавидела. Это имя принадлежало другой жизни, другому человеку. Я уже не она. С ней я простилась, выходя из поезда в Стокгольме.

- А я - Виктор. Ты одна?

Я не ответила.

- Иди встань возле охранника, - сказал он.

- Меня нет в списке, - пробормотала я.

- Меня тоже.

Сверкнула улыбка. Я вышла из очереди. Полураздетые девчонки и парни, не пожалевшие воска для волос, проводили меня завистливыми взглядами.

- Она со мной.

Гора мышц у двери убрала веревку и пророкотала:

- Добро пожаловать.

В толчее Виктор взял меня за руку и повел дальше. Тени человеческих фигур, разноцветные мерцающие огни, грохотание басов, сплетенные тела, танцующие силуэты. Мы встали в конце длинной барной стойки, и Виктор поздоровался с барменом.

- Чё ты будешь пить? - спросил он.

Ощущая во рту липкий сладкий привкус вишневого ликера, я ответила:

- Пиво.

- Отлично. Мне нравятся девушки, которые пьют пиво. Это - класс.

– Класс?

– Ну да. Это типа здорово. Реально.

Он придвинул мне «Хайнекен». Поднял свою бутылку, словно провозглашая тост. Улыбнувшись ему, я отпила глоточек.

– О чем ты мечтаешь в жизни, Матильда?

– Стать кем-нибудь, – ответила я без раздумий.

– Но ты ведь уже кто-то?

– Кем-то другим.

– А мне кажется, с тобой и так всё в порядке.

Виктор сделал несколько танцевальных шагов в сторону и обратно, качая головой в такт музыке.

– А ты о чем мечтаешь?

– Я? Я хочу только играть музыку.

– Ты музыкант?

Мне пришлось податься вперед и повысить голос, чтобы он меня услышал.

– Диджей. Но сегодня я свободен. А завтра буду играть. Буду стоять вон там.

Я глянула туда, куда указывал его палец. На крошечной сцене у стены, позади большой стойки с дисками стоял парень, с которым пришел Виктор, и балдел под музыку. Некоторое время спустя он подошел к нам. Представился как Аксель. Мне он показался добродушным и неагрессивным.

– Приятно познакомиться, Матильда, – сказал Аксель и протянул руку.

Я подумала, как эти двое не похожи на парней из моего городка. Ухоженные. Воспитанные. Аксель заказал себе напиток и снова исчез. Мы с Виктором снова чокнулись. Мое пиво скоро закончилось.

– Завтра перед началом у нас будет небольшая вечеринка с друзьями. Может, зайдешь?

– Может быть, – ответила я, задумчиво глядя на него. – А почему ты захотел провести меня с собой?

Я демонстративно допила последний глоток из своей бутылки в надежде, что Виктор закажет еще. Так он и сделал. Взял еще одну мне и еще одну себе. Потом ответил на мой вопрос. Его глаза светились в темноте.

– Потому что ты симпатичная. И потому, что ты казалась такой одинокой. А ты жалеешь, что согласилась?

– Нет, вовсе нет.

Он выудил из кармана пачку «Мальборо», протянул мне сигарету. Я не имела ничего против того, чтобы меня угостили, – тогда моих собственных хватит надолго. Не так много и осталось от пятнадцати тысяч, вырученных мною от продажи дома, – после того, как были уплачены долги и все остальное.

Наши руки соприкоснулись, когда он поднес мне зажигалку. Рука у него была горячая и загорелая. Мне сразу же захотелось, чтобы он прикоснулся ко мне еще.

– У тебя грустные глаза. Ты в курсе? – спросил Виктор, затягиваясь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– В тебе чувствуется печаль. Мне это нравится. С людьми, которые всегда всему рады, скоро становится скучно. Мы не созданы для того, чтобы каждую минуту быть счастливыми – тогда мир рухнул бы.

Я не ответила, заподозрив, что он шутит.

Внезапно голова у меня закружилась от выпитого. Я решила, что сувенир на память будет уместным, – подалась вперед, положила руку ему на затылок и приблизила его лицо к своему, пытаюсь показаться увереннее, чем была. Наши губы встретились. На губах у него был вкус пива и «Мальборо». Целовался Виктор хорошо. Мягко, но страстно.

– Пойдем ко мне? – спросил он.

Як в своем синем халате сидел за кухонным столом и читал «Современную индустрию». Он даже не поднял глаза, когда Фэй вошла в кухню, но она привыкла, что муж всегда так себя ведет, когда пребывает в стрессе. Учитывая то, какую ответственность Як несет на работе, и все те часы, которые проводит в офисе, воскресным утром он заслуживает покоя.

Квартира площадью в четыреста квадратных метров, получившаяся в результате объединения четырех квартир на этаже, вызывала у нее чувство клаустрофобии, когда Яку хотелось, чтобы его оставили в покое. Фэй до сих пор не знала, как вести себя с ним в такие дни.

В машине по пути домой с Лидингё, где Жюльенна осталась поиграть у подружки по садику, Фэй представлялось, как они с Яком проведут вместе первую половину дня. Только вдвоем. Залезут в постель, посмотрят какую-нибудь телепередачу, которую единодушно осудят за глупость и вульгарность. Ей так хотелось послушать рассказ Яка о том, как прошла неделя... Прогуляться, держась за руки, по Юргордену...

Поговорить, как когда-то...

Она убрала остатки их с Жюльенной завтрака. Хлопья размякли в молоке. Фэй ненавидела это ощущение мокрых хлопьев и кислый запах; мучительно сглотнула, протирая стол тряпкой.

Вся столешница кухонного островка была усыпана крошками, а на краю, преодолевая силу тяжести, балансировал надкушенный бутерброд. Его держало только то, что он лежал маслом вниз.

– Ты не могла бы постараться убрать до того, как уехать? – проговорил Як, не поднимая глаз от газеты. – Не приглашать же уборщицу еще и по воскресеньям!

– Прости. – Фэй проглотила ком в горле и провела вязкой тряпкой по столешнице. – Жюльенна так хотела скорее ехать... Она так ужасно кричала...

Як хмыкнул и продолжал читать. Он только что принял душ после пробежки. От него вкусно пахло «Армани Код» – этим парфюмом он пользовался тогда, когда они познакомились. Жюльенна очень расстроилась, что не увидит папу, но тот ушел еще до того, как она проснулась, а вернулся тогда, когда Фэй уже отвезла ее к подружке. Утро выдалось трудное. Дочь не устроил ни один из четырех вариантов завтрака, предложенных мамой, а одевание превратилось в мучительный марафон.

Но теперь столешница сияла чистотой. Последствия битвы устранены.

Отложив тряпку в мойку, Фэй разглядывала Яка, сидевшего с газетой за кухонным столом. Хотя он был высокий, тренированный, ответственный, успешный – короче, имел все классические атрибуты состоявшегося мужчины, – во многих отношениях так и оставался ребенком. Она единственная видела его таким, каким он был на самом деле.

Фэй всегда будет любить его, что бы ни случилось.

– Кажется, тебе пора постричься, дорогой.

Протянув руку, она коснулась его влажных волос, но Як убрал голову.

– У меня нет времени. Расширение бизнеса – очень сложная вещь, и я должен сосредоточиться. Не могу каждый день бегать к парикмахеру, как ты.

Фэй уселась на стул рядом с ним, положив руки на колени. Попыталась вспомнить, когда в последний раз стриглась.

– Ты хочешь поговорить об этом?

– О чем?

– О «Компэр».

Муж медленно перевел взгляд с газеты на жену, покачал головой и вздохнул. Она уже пожалела о своих словах. Лучше бы продолжала вытирать крошки... Однако Фэй набрала воздуха в легкие.

– Раньше тебе хотелось...

Як дернулся и опустил газету. Чуть длинноватая челка упала на глаза, и он раздраженно дернул головой. Почему она не может оставить его в покое? Просто вытирать столешницу. Быть стройной, красивой и преданной. Он работал всю неделю. Насколько она его знает, вскоре он запрется в своем кабинете в башне и снова засядет за работу. Ради нее и Жюльенны. Чтобы у них все было хорошо. Потому что это их цель. Не его, а их совместная.

– Какой смысл это обсуждать? Ты ведь уже не разбираешься в делах. Тут все так быстро меняется... Невозможно жить старыми запасами.

Фэй опустила глаза на свое обручальное кольцо. Повертела его на пальце. Если б только у нее хватило ума промолчать, тогда у них было бы то утро, о котором она мечтала. А так – испортила все одним дурацким вопросом... Думать надо было.

– Тебе хоть известно, как зовут министра промышленности Швеции? – спросил муж.

– Микаэль Дамберг, – автоматически ответила Фэй. Автоматически и верно.

Увидев взгляд Яка, она тут же пожалела о сказанном. Ну что ей стоило придержать язык?

– Ну ладно. Скоро вступит в силу новый закон. Знаешь, какой?

Фэй знала, однако медленно покачала головой.

– Ясное дело, ты не знаешь, – проговорил Як. – Суть в том, что мы, как предприятие, должны будем напоминать нашим клиентам за месяц, когда их контракт истекает. Ранее же они просто продолжали нам платить. Ты понимаешь, что это значит?

Разумеется, Фэй знала. Могла бы в цифрах рассказать ему, сколько потеряет на этом «Компэр». Но она любила его. И сейчас сидела в своей кухне за миллион крон с мужем, который оставался мальчишкой в мужском теле; с человеком, которого только она знала и любила больше всего на свете. Так что Фэй лишь молча покачала головой. Вместо того чтобы сказать, что «Лисандо» – небольшая фирма по поставке электричества, которой владел концерн «Компэр», – потеряет около двадцати процентов тех клиентов, у которых раньше срок действия контракта продлевался автоматически. В целом оборот уменьшится на пятьсот миллионов в год. А прибыль – на двести миллионов.

Она лишь покачала головой. Снова повертела кольцо на пальце.

– Ты не знаешь, – произнес наконец Як. – Так можно я дочитаю статью до конца?

Подняв газету, он снова вернулся к миру цифр, курсов акций, новых эмиссий и покупки предприятий – тому миру, которому Фэй посвятила три года жизни в Торгово-экономическом институте, прежде чем бросить учебу. Ради Яка. Ради его фирмы. Ради семьи.

Прополоскав тряпку под краном, она достала пальцами мокрые хлопья и крошки хлеба, оставшиеся в раковине, и выкинула в помойное ведро. За ее спиной слышалось шуршание газеты. Фэй беззвучно закрыла дверцу, чтобы не мешать мужу.

Стокгольм, лето 2001 года

У Виктора Блума на шее красовалось светло-коричневое родимое пятно, а спина была широкая и загорелая. Он крепко спал, и я могла не торопясь рассмотреть и его, и комнату, в которой лежала. Никаких занавесок на окнах. Помимо кровати, здесь имелся только стул, заваленный грязной одеждой. На белых стенах танцевали солнечные зайчики.

Мои голые ноги были завернуты в сырую и грязную простыню. Стряхнув ее с себя, я замоталась в нее, как в полотенце, и осторожно приоткрыла дверь спальни. По-спартански обставленная двухэтажная квартира, которую снимали на лето Виктор и Аксель, находилась на первом и втором этаже на улице Брантингсгатан в районе Ярдет. Во дворе был небольшой садик со столом, деревянными стульями и черным мангалом. На столе стояла пустая банка из-под «Фанты», доверху забитая окурками.

Из комнаты Акселя доносился мощный храп. На нижнем этаже располагались кухня и гостиная. Я спустилась вниз, сделала себе кофе и нашла сигареты, покопавшись в своей сумочке, валявшейся на полу в прихожей. Потом взяла с собой кофе, пачку сигарет и уселась на стул в саду.

Передо мной простирался парк Тессина. Солнце все еще стояло низко, но мне приходилось прищуриваться.

Не хотелось казаться навязчивой, быть обузой. Приглашение Виктора прийти на их сегодняшнюю вечеринку – наверняка всего лишь пустые слова, чтобы переспать со мной. В кабаке мне доводилось слышать и куда более высокопарные обещания. Похоже, Виктору было со мной весело. Как и мне с ним. Но лучше всего на этом и остановиться. Я затушила сигарету в банке из-под «Фанты» и поднялась, намереваясь пойти и разыскать свою одежду. В эту минуту у меня за спиной открылась дверь.

– А, вот ты где! – сонно проговорил Виктор. – Закурить найдется?

Я протянула ему сигарету. Он плюхнулся на стул, на котором только что сидела я, и заморгал, глядя на солнце. Я села рядом с ним и сказала:

– Я как раз собиралась уходить.

Я готовилась увидеть облегчение у него на лице. Благодарность, что я не из тех приставучих девчонок, которые не врубаются, когда им пора убираться восвояси.

Но Виктор удивил меня.

– Уходить? – выпалил он. – Почему?

– Я же здесь не живу.

– Ну и что?

– Вы же с Акселем не хотите, чтобы я тут болталась? Я прекрасно понимаю, что у нас все было на одну ночь, а теперь у тебя свои дела. Не хочу быть липучкой, которая не может отцепиться.

Он отвел глаза и посмотрел на парк Тессина. Меня охватило желание погладить его по короткой щетине на бритом затылке. Фотография на стене в его спальне показывала, что волосы у него густые и вьющиеся, когда немного отрастают. Виктор продолжал сидеть молча, и на какое-то мгновение мне показалось, что я разгадала его – что мыслит он так же, как и другие парни.

Наконец он произнес:

– Не знаю, как с тобой раньше обращались парни – как это принято там, откуда ты родом, – но мне кажется, что ты красивая. Ты настоящая, не такая, как все. Если хочешь уйти, конечно, я не буду тебя удерживать, но мне было бы приятно, если б ты осталась. Я собирался сходить в «Север-Илевен» и купить нам соку и круассанов, а чуть попозже заказать пиццу...

– О'кей.

Ответ последовал до того, как я успела подумать.

Мимо моего лица пролетела оса. Я отмахнулась от нее – никогда всерьез не боялась ос. В мире есть вещи пострашнее.

– О'кей?.. А правда, что это за мужики, с которыми ты общалась?

– Парни у нас дома... Даже не знаю, как сказать. Они хотят, чтобы ты легла с ним в постель, а потом ушла. Наутро у них всегда свои дела.

Я ни словом не упомянула о косых взглядах. Словах. Стыде, который возлагали на меня, хотя его должны были нести другие. Отдать свое тело тому, кто желал его, – детский лепет в сравнении с куда более серьезными вещами.

Виктор прикрыл глаза от солнца ладонью.

– Как давно ты живешь в Стокгольме?

– Месяц.

– Добро пожаловать.

– Спасибо.

* * *

Около семи вечера в квартиру повалил народ. Большинство было немного постарше меня, и поначалу я чувствовала себя потерянно. Виктор исчез в толпе, а я оказалась за столиком в саду вместе с Акселем. Потягивала напиток и курила сигарету, а он рассказывал истории, от которых я смеялась до колик, – о том, как они с Виктором путешествовали прошлым летом по Европе. Из дома вышли две девушки; они представились как Юлия и Сара. Юлия была красивая длинноволосая брюнетка, одетая в элегантное синее платье. На Саре была джинсовая юбка с белой майкой, а светлые волосы небрежно собраны в хвостик на затылке.

– Как подумаю об осени – на стенку лезть хочется, – проговорила Юлия, подаваясь вперед. – Я хотела бы бросить учебу, взять свободный год, но папа никогда мне этого не позволит. Он выходит из себя, стоит мне заговорить об этом... Черт, как я ненавижу Лунд!

– Бедняжка, – сказала Сара, пуская дым кольцами.

– Жаль, что у меня не хватило баллов, чтобы поступить в Торгово-экономический... Ну да ладно. Сегодня будем просто веселиться.

Юлия выпрямилась и взглянула на меня, словно только что заметила.

– А ты чем занимаешься?

Я откашлялась. Выпустила дым. Не хотелось рассказывать о своих планах человеку, с которым только что познакомилась.

– Я ничем особо не занимаюсь.

– Круто. Но ты ведь хочешь учиться?

Я подала заявление в несколько высших учебных заведений Стокгольма, так что просто молча кивнула. И подумала о том, что деньги на моем банковском счете тают на глазах.

– Хочу, конечно. Но ответ приходит не сразу, – сказала я.

– А откуда ты знаешь Акселя? – спросила вторая девушка, Сара, кивая ему.

– Я познакомилась с Виктором, если вы его знаете, вчера вечером в «Будда-баре».

– Так ты тут ночевала?

Я кивнула.

Они молча докурили и поднялись.

– Юлия и Виктор раньше были вместе, – пояснил Аксель, когда они ушли.

– Раньше?

– Они расстались месяца три назад. Это наша первая встреча с тех пор, как она вернулась домой из Лунда.

Юлия и Сара пошли с нами в «Будда-бар». Они все время старались держаться поближе к Виктору, бросая на меня недовольные взгляды. Чем больше я пила, тем больше меня раздражали их лица.

На какое-то время Виктор оторвался от проигрывателя и подошел к нам с Акселем. Я обняла его и бросила взгляд на Юлию – глаза у нее сузились. Он поцеловал меня, а я легонько укусила его в нижнюю губу. Когда ему пора было возвращаться в кабинку диджея, Виктор спросил, не хочу ли я пойти с ним. Обвив рукой мою талию, он прокладывал нам путь через людское море. Дело шло медленно, потому что кто-то все время останавливал его, чтобы переброситься парой слов. Наконец мы взобрались на сцену. Виктор напялил наушники, подкрутил какие-то ручки и принялся раскачиваться в такт музыке.

Я тоже стала двигаться под музыку. Потом взяла его руку, завела под подол платья и положила себе между ног. Трусики на мне не было.

– Ты останешься сегодня у меня ночевать? – спросил он.

– Да. Если хочешь.

Виктор посмотрел на меня такими глазами, что ответ уже не требовался.

– А чем мы займемся? – шутливо спросила я.

Он рассмеялся и поставил новую песню.

Какое восхитительное чувство! Теперь я свободна. Свободна делать что хочу. Быть, кем захочу. Без прошлого, которое отравляло все вокруг и все внутри меня. Без тех, кто тянул меня вниз. Медленно, по капельке, я переделала себя и стала другой.

Оглядев толпу танцующих людей, я на мгновение закрыла глаза и подумала о жизни в Фьельбаке. Любопытные взгляды, преследовавшие меня, куда бы я ни направлялась, смесь восторга и сочувствия – липкая, тяжелая, удушающая. Здесь никто не знает. Никто ничего не видит. Мое место здесь. В Стокгольме.

– Я схожу в туалет! – крикнула я Виктору.

– Хорошо. Я закончу через десять минут. Давай встретимся у выхода.

Я кивнула и отправилась в дамскую комнату. Встала в очередь, улыбаясь при мысли о том, что Виктор – мой, и больше ничей. Музыка на танцполе доносилась издали, заставляя зеркало на стене слегка вибрировать в такт.

Я изучала свое отражение в зеркале. Волосы казались светлее, чем обычно, я чувствовала себя загорелой и свежей. Мне казалось, что теперь я выгляжу старше, чем пару недель назад. Девушка, стоявшая у раковины, направила себе в волосы спрей из розовой бутылочки. От сладкого аромата зачесалось в носу, однако он приятно контрастировал с запахом пота, алкоголя и прокуренной одежды.

За моей спиной открылась дверь – на мгновение музыка стала слышнее.

Кто-то хлопнул меня по плечу, и я обернулась. Успела разглядеть Юлию, но тут в лицо мне вылился коктейль. Кусок льда ударился мне в лоб, упал на пол и скользнул прочь. Глаза щипало, я заморгала от изумления и боли.

– Какого черта? – закричала я, отступая назад.

– Шлюха деревенская! – прошипела Юлия, повернулась на каблуках и исчезла.

Стоявшие рядом девушки засмеялись. Я взяла салфетку и вытерла лицо. Унижение чувствовалось во всем теле, словно по мне бегали насекомые. Вернулось прежнее ощущение себя: я – та, что приседает, прячется в тени, сгибаясь под тяжестью многочисленных тайн...

Потом я выпрямилась и взглянула в зеркало. Больше – ни за что!

Неделю спустя мне пришло письмо. Меня приняли на экономический факультет Торгово-экономического института. Я скопировала письмо, разыскала адрес Юлии, купила конверт, засунула в него копию письма и фото, снятое Виктором при помощи автоспуска – я стою на четвереньках, Виктор позади меня, с искаженным от наслаждения лицом. Опуская письмо в ящик у дома, где жила семья Юлии, я думала только об одном: никогда больше никому не позволю меня унижать.

Месяц спустя я записалась в институт под своим вторым именем – Фэй, которое мама дала мне в честь своей любимой писательницы[2 - Здесь, по всей вероятности, имеется в виду британская писательница Фэй Уэлдон, наиболее известная своим романом «Дьяволица»]. Матильда перестала существовать.

За спиной у Фэй пробежал официант – наверняка спешил к тем пузатым мужикам, сидящим за столиком чуть в стороне от нее. К таким мужчинам всегда торопятся. Ничего удивительного – у них такой вид, словно их вот-вот хватит инфаркт.

Она разглядывала Алису, которая только что уселась напротив нее. Познакомившись с ней и другими женщинами из высших слоев общества, Фэй назвала их гусынями, поскольку их главным занятием было откладывание яиц для своих мужчин. Поначалу они сосредоточивали все свои усилия на том, чтобы родить наследников, а потом – чтобы защищать избалованных отпрысков своими крылышками в нарядах от «Гуччи». Когда детки отправлялись в свои тщательно подобранные детские садики, наступало время найти себе подходящие интересы. Ходить на йогу. Делать маникюр. Устраивать званые ужины. Приглядывать за уборщицей. Вести отношения с целой армией нянь. Следить за собственным весом. Или вообще его не иметь. Быть мокренькой и возбужденной. И самое главное: научиться закрывать глаза в тех случаях, когда их мужья возвращаются с позднего «делового ужина» с плохо заправленной в брюки рубашкой.

Поначалу Фэй насмехалась над ними. Над их необразованностью, отсутствием интереса к истинным жизненным ценностям, над их амбициями, не простиравшимися далее приобретения сумочки последней модели от «Валентино», и дилеммами, куда поехать на каникулы – в Санкт-Мориц или на Мальдивы. Но Як пожелал, чтобы она «поддерживала с ними дружеские контакты». Особенно с женой Хенрика Алисой. Так что теперь ей приходилось регулярно общаться с гусынями.

Ни Фэй, ни Алиса не испытывали друг к другу теплых чувств. Однако, хотели они того или нет, их жизни оказались сплетены благодаря фирме их мужей. Благодаря «невероятной дружбе» их мужей, как высказался журналист в одной финансовой газете.

Алисе Бергендаль было двадцать девять – на три года меньше, чем Фэй. Ее отличали высокие скулы, талия, как у десятилетнего ребенка, и такие длинные

ноги, словно супермодель Хайди Клум встала на ходули. Кроме того, Алиса родила двух прекрасных здоровых детей. Вероятно, улыбаясь в течение всех родов. А в перерывах между схватками наверняка вязала милую шапочку своему чудесному малышу, порвавшему ее ароматное влагалище на две идеально равные части. Ибо Алиса Бергендаль была не только красива, молода, стройна и всегда источала восхитительные запахи. Она обладала творческой жилкой и огромным кругом общения – устраивала небольшие великолепные вечеринки, куда гусыням надлежало приходить и приводить своих мужей, иначе они рисковали попасть в черный список Алисы. А это среди стокгольмского высшего класса было равносильно попаданию в Гуантанамо.

С собой в ресторан «Риш» Алиса привела другую длинноногую женщину по имени Ирис – жену финансиста Йеспера, занимающегося трейдингом. В данной ситуации – голодранца, но, возможно, восходящей звезды. Ирис, похоже, принята в свиту Алисы с испытательным сроком – пока успех Йеспера не станет фактом. Скорее всего, ее судьба решится в ближайшие месяцы.

Они заказали себе по салатiku – естественно, не по целой порции, а по половинке, – и три бокала кавы[3 - Кава – испанское игристое вино из Каталонии.]. И, подкладывая в рот небольшие кусочки и улыбаясь друг другу, обсуждали своих детей. Это была единственная тема для разговора. Помимо мужей.

– Йеспер взял выходные на пасхальные каникулы, – проговорила Ирис. – Представляете? Мы женаты уже четыре года, и он никогда не был в отпуске больше одной недели в году. И тут позавчера пришел домой и заявил мне, что мы едем на Сейшелы!

Фэй ощутила укол зависти. Проглотила его, запив глоточком кавы.

– Как мило, – сказала она.

Однако в голове у нее возник вопрос: что заставило Йеспера таким манером заглушать укоры собственной совести?

В ресторане яблоку негде было упасть. У окон сидели туристы, довольные тем, что им досталось местечко. Под столами теснились пакеты с покупками. Пытаясь выглядеть независимо, они то и дело оглядывались по сторонам широко

раскрытыми глазами. Если взгляд падал на какую-либо значительную личность, они подавались вперед, чуть не ложась грудью в тарелку, и начинали перешептываться, восхищенные обилием телеведущих, артистов и политиков в одном помещении. Тех, в чьих руках реальная власть, – тех, кто тянет за веревочки из-за кулис, мало кто знал в лицо. Однако Фэй было прекрасно известно, кто они.

– Сейшелы – это и правда великолепно, – ответила Алиса. – Такая экзотика... Но как с безопасностью? Там было... беспокойно.

– А что, Сейшелы – на Ближнем Востоке? – неуверенно спросила Ирис, гоня по тарелке кусочек авокадо.

Фэй поспешно отпила глоток вина, чтобы не рассмеяться.

– Нет, правда – там? Где ИГ и вся эта ерунда?

Алиса нахмурила лобик, услышав бульканье из горла Фэй.

– Там наверняка все спокойно, – пробормотала Ирис, гоня вилкой половинку яйца. – Йеспер никогда не стал бы подвергать риску меня и малыша Орвара.

Малыш Орвар? Зачем люди дают своим детям имена, подходящие для морского пирата семнадцатого века? Впрочем, Фэй вынуждена была признать, что Жюльенна – тоже весьма надуманное имя. Но его предложил Як. Красивое и хорошо звучит в международном контексте. Ведь важно, пока ребенок еще в матке, обеспечить ему глобальное будущее. Этот момент они упустили, назвав ребенка Орваром, однако все можно изменить позднее. В прошлом месяце парнишка по имени Сикстен в садике у Жульенны вдруг превратился в Генри. Наверное, трехлетка был совершенно сбит с толку, но такое не принимают в расчет, когда хотят обеспечить мальчику возможность реализовать себя на мировом рынке.

Допив вино из своего бокала, Фэй незаметно сделала знак официантке подлить ей еще.

– Ясное дело, он не стал бы подвергать вас опасности, – проговорила Алиса, томно покусывая лист салата. Но, поскольку она читала в каком-то журнале, что еду надо пережевывать не менее тридцати раз, чувственность вскоре улетучилась, уступив место образу жующей коровы.

Фэй с грустью покосилась на свою тарелку. Проглотив половинную порцию салата, она ничуть не наелась и теперь с завистью разглядывала блюда, которые только что принесли за соседний столик. Бифштекс «Рюдберг». Фрикадельки. Макароны. Все это поставили перед полными мужчинами в костюмах. Теми, кто может себе позволить отрастить брюшко. Про бедных говорят, что они толстые, а про богатых – что они импозантные. Фэй с трудом оторвала взгляд от фрикаделек. В компании Алисы не принято было есть фрикадельки со сливочным соусом и картофельным пюре.

– Разве тебе не пошло бы на пользу, если б тебя похитили на несколько недель, Ирис? – сказала Фэй. – Это же супердиета. Если ты попросишь их достаточно любезно, они, так и быть, дадут тебе коврик для йоги. – Она взглянула на нетронутый салат Ирис.

– О таком не шутят! Это ужасно!

Алиса покачала головой, а Фэй вздохнула.

– Сейшелы – группа островов в Индийском океане. Куда дальше от Ближнего Востока, чем мы сейчас находимся.

Повисла пауза. Ирис и Алиса сосредоточились на своих салатах, Фэй – на своем вине, которое снова осталось лишь на донышке.

– Видели, кто там? – прошептала Ирис и подалась вперед, кивая в сторону выхода.

Фэй попыталась понять, кого она имеет в виду.

– Вон тот, который только что вошел. Разговаривает с барменом.

Теперь Фэй увидела его. Это был певец Йон Дескентис. Любимый музыкант Яка. Он уже несколько лет не выступает, лишь фигурирует в глянцевых журналах среди других звезд второго плана в связи с неудачными амурными делишками, финансовыми провалами и пикантными эпизодами. Сейчас его вместе с дамой – красивой девушкой лет двадцати пяти с черными крашеными волосами и в кожаной куртке – провели и усадили за соседний столик.

– Два пива, – сказал он официантке. – Для начала.

Алиса и Ирис закатили глаза.

– Удивительно, что его вообще впустили, – пробормотала Алиса. – Заведение все больше начинает терять лицо.

Ирис так заерзала на стуле, что золотые браслеты от «Картье» зашелестели.

Фэй взглянула в сторону Джона Дескентиса. Она уже начала планировать день рождения Яка – ему точно понравится, если на его празднике выступит Джон Дескентис. Она поднялась и, ощущая спиной испуганные взгляды Алисы и Ирис, направилась к столику музыканта.

– Простите, что помешала... Меня зовут Фэй.

Йон Дескентис оглядел ее с ног до головы.

– Привет, Фэй, – ответил он с кривоватой улыбкой. – Ничего страшного, ты нам вовсе не помешала.

– У моего мужа Яка в апреле день рождения, и я планирую банкет в ресторане «Хассельбаккен». Он обожает тебя. Я хотела спросить, свободен ли ты в это время и не готов ли прийти на праздник и спеть несколько песен.

– Это Як Адельхейм? Предприниматель?

Черноволосая девушка поджала губки, но Йон выпрямился за столом.

Фэй одарила его улыбкой.

– Да, так и есть. Он владелец фирмы под названием «Компэр».

– Ясное дело, я знаю, кто он такой. Само собой, приду, без проблем. Я и не знал, что ему нравятся мои вещи...

– Он любит твою музыку с подростковых лет. У него есть все твои диски. Да-да, настоящие диски!

Фэй рассмеялась.

– Вряд ли он хвастается этим в интервью финансовым журналам, – усмехнулся Йон.

Девушка громко вздохнула, встала из-за стола и сообщила, что ей надо в туалет.

Фэй тут же уселась на ее место. Ее так и тянуло выпить пиво, которое официант поставил на стол, однако она взяла себя в руки. Уголкем глаза отметила, как Алиса и Ирис сидят, уставившись на нее.

Вряд ли она сможет сдержаться и не рассказать об этом Яку. Собственно говоря, это следовало бы сохранить в тайне, сделать ему сюрприз, но она знала себя и понимала, что из этой затеи ничего не выйдет.

– Могу ли я... Можно мне твой номер телефона? Чтобы мы могли созвониться и обговорить детали. Уточнить гонорар и все такое.

– Конечно. Если ты дашь мне свой номер, я пошлю тебе эсмэску.

Он отстучал ей эсмэску и сложил губы в улыбке, в которой еще таился след прежнего шарма. Ходили разговоры, что не только из-за алкоголя Йон то и дело попадал в реабилитационные центры, но в этот момент он казался абсолютно трезвым.

В мобильнике пропищало. Фэй бросила быстрый взгляд на сообщение – мигающий смайлик – и вернулась за свой столик.

– Что ты ему сказала? – прошептала Алиса, хотя, скорее всего, слышала каждое слово.

Не знай Фэй наверняка, что у Алисы лоб обколот ботоксом, готова была бы поклясться, что у той появилась озабоченная морщинка.

– Он выступит на дне рождения Яка.

– Он? – прошипела Алиса.

– Да. Именно он. Йон Дескентис. Як его обожает.

– Яку это не понравится. Приглашены его деловые знакомые. Это будет выглядеть не лучшим образом.

– Алиса, я лучше знаю, что понравится, а что не понравится моему мужу. Занимайся своей семьей, а со своей я уж сама разберусь!

Выйдя наконец из «Риш», Фэй плотнее запахнула пальто. С залива Ньюбрувикен дул ледяной ветер. Небо казалось свинцовым. Люди шли быстрым шагом, наклонившись вперед. Распродажа со скидкой до 70 % в магазине «Шутерман» подходила к концу – на полках за витриной магазина было почти пусто.

У нее оставался час до того момента, как нужно явиться домой и отпустить няню. Она уже направлялась в сторону площади Стюреплан, когда рядом с ней резко затормозил ярко-красный «Порше Бокстер», так что водитель такси, ехавшего следом, отчаянно загудел.

Опустилось стекло, и через пассажирское сиденье перегнулась Крис Нюдаль, сидящая за рулем.

– Подвезти, красотка? – спросила она наигранным голосом опытного ухажера.

Як терпеть не мог Крис, и Фэй встревоженно огляделась. Однако гусыни, разодетые в шмотки от «Гуччи», наверняка все еще в шоке от ее поведения, остались сидеть в «Риш», и Фэй вдруг осознала, как соскучилась по Крис. По ее грубоватому юмору, смеху и потрясающим историям о нелепых кавалерах на

одну ночь и суровых вечеринках. Когда-то Фэй и Крис были неразлучны.

Открыв дверцу машины, Фэй плюхнулась рядом с подругой. Кожаные сиденья леопардовой расцветки закрипели, когда она усаживалась.

– Симпатичная машина, – проговорила Фэй. – Скромная и незаметная.

Крис сгребла пакеты с покупками, валявшиеся на полу возле пассажирского сиденья, и небрежно забросила их в узкое пространство за сиденьями. Позади них загудела какая-то машина.

– Болван хренов! – воскликнула Крис, показала водителю средний палец и покатила вперед.

Фэй покачала головой и рассмеялась. Рядом с Крис она всегда чувствовала себя на десять лет моложе.

– В чем суть взятки за молчание, если никогда не говорить людям, чтобы они заткнулись? – пробормотала Крис, глядя в зеркало заднего вида.

– Откуда ты берешь все эти шуточки?

– Конкретно эту реплику я подслушала в одном сериале.

Крис взглянула на Фэй – та предпочла бы, чтобы подруга следила за дорогой.

– Сколько у нас времени, пока тебе нужно будет вернуться к семейным обязанностям – всякой скучище, так что ты будешь горько сожалеть о потраченном на нее времени, когда поседешь и начнешь ходить под себя?

Фэй в ужасе вцепилась в ремень безопасности – ей показалось, что Крис не замечает, как зеленый свет впереди сменился красным.

– Примерно час.

– Отлично.

Без всякого предупреждения Крис резко развернулась, чуть не столкнувшись в лоб с автобусом. Фэй еще крепче вцепилась в ремень безопасности.

- Рванули на Юргорден, - проговорила Крис. Фэй смогла лишь молча кивнуть.

Найдя ресторан, который был открыт, они заказали себе кофе. Как обычно, Крис не обращала ни малейшего внимания на взгляды, которыми провожали ее другие посетители. Крис вела колонку в «Эль», где писала о женском предпринимательстве, часто выступала на телевидении. На прошлой неделе она была в гостях у Малу[4 - Имеется в виду Малу фон Сиверс - ведущая телепрограммы «После десяти», где она берет интервью у политиков, писателей, артистов и т. д.].

Сразу по окончании института, который она, в отличие от Фэй, закончила, Крис открыла свою первую парикмахерскую, ставшую позднее частью концерна «Куин» - империи салонов по уходу за волосами, построенной на концепции, что все женщины имеют право чувствовать себя королевами. Имея за плечами образование парикмахера, Крис подрабатывала во время учебы на экономическом факультете. Уже при первой встрече с Фэй она заявила, что намерена создать империю. Через пять лет после окончания института салонов красоты сети «Куин» стало уже десять - они располагались в большинстве крупных городов Скандинавии. Но по-настоящему большие деньги Крис стала зарабатывать на продукции, которую разработала сама. Экологическое мышление, качество и потрясающе красивые упаковки в сочетании с яркой личностью Крис привели к тому, что ее линейку продукции для ухода за волосами распространяли крупнейшие дилеры Европы. Тем временем она стала потихоньку подбираться и к США.

- Не понимаю, как ты выдерживаешь еженедельные обеды с этой мумией и ее похоронным эскортом.

- Ты имеешь в виду Алису? Да нет, она очень даже симпатичная.

Фэй понимала, что Крис знает - она лжет. Но Як никогда не простил бы ее, прими она сторону Крис в отношении Алисы.

В студенческие годы у Крис был краткий, но интенсивный роман с Хенриком, мужем Алисы. Фэй, Як, Крис и Хенрик составляли тогда неразлучный квартет. Но

в один прекрасный день Крис открыла газеты и увидела объявление о помолвке Хенрика с Алисой. Он предпочел любви благородное происхождение, деньги и внешнее смирение.

За годы, прошедшие с тех пор, Крис использовала мужчин как расходный материал. Фэй знала, что предательство любимого глубоко ранило Крис, и подозревала, что подруга до сих пор тоскует о Хенрике, хотя ни за что в этом не признается. Между тем от Яка Фэй узнавала обо всем, что происходило за красивым фасадом, – обо всех изменах Хенрика. Муж рассказывал, как тот, всегда такой стеснительный, с годами и с растущим состоянием стал преображаться, словно пытаюсь нагнать упущенное время.

– Ну ладно, я тебе верю, – согласилась Крис. – Но разве не странно?

– А именно?

– Разве не странно, что она, при всех тех миллионах, которыми осыпает ее Хенрик, так и не нашла человека, который достал бы из нее штык, который она, похоже, проглотила?

Фэй захихикала.

Крис посерьезнела и понизила голос:

– Давай начистоту, Фэй. Не понимаю, как ты все это выдерживаешь. Я знаю, какой огромный вклад ты внесла в создание «Компэр» – вся эта чертова идея принадлежала тебе, и ты помогала Яку и Хенрику выстроить структуру предприятия. Однако этим и не пахнет, когда они дают интервью для финансовых газет и хвалятся своими успехами. Не вашими. Не твоими. А своими. Зачем тебе целыми днями сидеть дома и тратить время на... бог весть на что? Какое разбазаривание ресурсов! Ты одна из самых умных людей, кого я встречала, а я как-никак каждый день встречаюсь сама с собой.

Фэй улыбалась, но улыбка казалась натянутой. Крис уже открыла было рот, чтобы продолжить, но она прервала ее:

– Перестань. Мне нравится моя жизнь.

В горле жгло от гнева – как изжога в последние месяцы беременности. Фэй любила Крис, но ей не нравилось, когда та плохо отзывалась о Яке. Она умела все вывернуть наизнанку. Крис отказывалась понимать: все, что делает Як, он делает для них с Жюльенной. Она не видела всего того, чем он жертвовал ради семьи, тех тяжелых ситуаций выбора, в которых нередко оказывался, долгих часов, которые ему приходилось проводить, занимаясь делами фирмы. И какая разница, что она не получила общественного признания за все то, что вложила в «Компэр»? Як знает, сколько она сделала для фирмы. И Хенрик тоже. Этого вполне достаточно.

Для имиджа компании было выгодно поддерживать миф об уникальном сотрудничестве Яка и Хенрика. А вот у Крис нет семьи, она меняет мужчин как перчатки, не понимает, что такое нести ответственность за семью, на какие жертвы приходится идти. Она ни в чем никогда не шла на компромиссы.

– Надеюсь, что ты права, – проговорила Крис. – Но что произойдет, если он тебя бросит? Скажи, что после рождения Жюльенны вы по крайней мере изменили брачный договор – чтобы обеспечить тебе защиту. На случай, если произойдет непредвиденное.

Фэй улыбнулась. Как мило со стороны Крис беспокоиться о ней.

Она покачала головой.

– Идея принадлежала не Яку, а Хенрику. Ясное дело, Як не хотел заключать никакого брачного договора, но этого потребовали инвесторы.

– Если вы разведетесь, ты не получишь ничего. Ноль.

Крис говорила медленно и отчетливо, словно обращаясь к ребенку. Что она о себе возомнила? Ей просто завидно, что она не нашла себе такого мужа, как Як.

Фэй сделала пару глубоких вдохов.

– Мы не разведемся. Мы счастливы, как никогда. Придется тебе смириться с тем, что это моя жизнь, и я буду устраивать ее по своему разумению.

Некоторое время Крис сидела молча, потом обезоруживающе подняла ладони.

- Прости, ты права. Обещаю больше не совать свой большой нос в чужие дела!

Она улыбнулась своей самой неотразимой улыбкой. Фэй понимала, что Крис действует из лучших побуждений. Ссориться с подругой не хотелось.

- Давай поговорим о веселом. Что скажешь - не укатить ли нам куда-нибудь на выходные? Только мы с тобой.

- Великолепная идея, - ответила Фэй и посмотрела на часы. Ей уже надо торопиться. - Только мне нужно сперва переговорить с Яком.

Послав Крис воздушный поцелуй, Фэй набрала номер такси.

Когда она выбежала из ресторана, Крис посмотрела ей вслед долгим взглядом.

Стокгольм, август 2001 года

Лежа в постели, я писала дневник, изливая в него все свои чувства. Какое облегчение, что Матильды больше не существует! Никто не знает меня прежнюю. Никто не знает о том, что произошло. Когда меня спрашивали о семье, я отвечала, что мои родители погибли в автокатастрофе. И что у меня не осталось ни братьев, ни сестер. И это правда. У меня их действительно не осталось.

Но иногда во сне ко мне являлся Себастиан. Всегда недостижимый. Всегда за пределами той грани, где я могла бы дотянуться до него рукой. Мне по-прежнему было легко ощутить его запах - стоило лишь закрыть глаза.

Когда мне снился Себастиан, я всегда просыпалась в холодном поту. Перед глазами так отчетливо вставал он... Темные волосы, ясные синие глаза. Внешне он сильно походил на папу, хотя они были очень разными по характеру. Потом мне обычно долго не удавалось заснуть.

Однако мое новое имя – Фэй – придавало мне сил. Пока что я скрывала его от Виктора – опасалась, что он не поймет. Но всем остальным демонстрировала свою новую, уверенную в себе сущность, не имеющую ничего общего с Матильдой. А главное – письма из тюрьмы более не могли достичь меня. Ни одно из них я не открывала. Однако помню тот ужас, который испытывала, увидев на конверте папин почерк. Теперь же он не знал, где я, не мог связаться со мной. Его больше не существовало. Он остался в мире Матильды.

Я потянулась за сумочкой, засунула дневник во внутренний карман и застегнула «молнию».

Если б не эти сны, я могла бы и сама поверить собственной лжи – что мое прошлое похоронено. Но Себастиан продолжал являться мне по ночам. Сначала – живой, с пронзительным взглядом, проникающим в глубь души. Потом – висящий на ремне в кладовке.

Воскресное утро. Фэй поспешила прибраться после завтрака Жюльенны, чтобы Як не увидел того беспорядка, который она вечно оставляла за собой. Нет, она не превращала кухню в Пёрл-Харбор, однако Фэй прекрасно понимала, что? именно Як имеет в виду, когда говорит, что неприятно спускаться утром в неприбранную кухню.

Она решила не беспокоить Яка вопросом об уикенде с Крис. Это вызовет лишь раздражение и приведет к ссоре.

Хотя ей и не хотелось признаваться в этом Крис, у них с Яком настал тяжелый период в отношениях. Такое случается время от времени со всеми парами. Работа Яка требовала от него невероятной самоотдачи, и сама Фэй была не первой женщиной в мировой истории, которую порой охватывало ощущение, что ее муж демонстрирует все свои лучшие качества лишь на работе. Само собой, ей хотелось бы, чтобы у него оставалось больше времени и сил для нее и Жюльенны. Но она поспешно отгоняла от себя подобные мысли. Она принадлежит к небольшому проценту самых богатых людей в одной из самых благополучных стран мира. Ей не нужно работать, думать о счетах и даже забирать ребенка из садика. Целая армия нянь и уборщиц готова в любой момент прийти ей на помощь. Иногда она даже посылала пакеты с покупками домой с посыльным, чтобы не таскать их на себе.

Между тем на Яке лежала огромная ответственность, от которой он порой становился неразговорчив и холоден. По крайней мере, по отношению к ней. Но Фэй знала, что это временно. Через пару лет они снова смогут посвятить себя друг другу. Путешествовать вместе. У них будет больше времени для совместной жизни и совместных мечтаний.

– Ты ведь понимаешь, что мне не нравится работать почти круглосуточно? – говаривал он. – Само собой, я предпочел бы проводить время дома и наслаждаться жизнью с тобой и Жюльенной, не задумываясь над тем, как оплатить счета. Но скоро мы снова будем вместе, дорогая.

Возможно, прошло уже некоторое время с тех пор, как муж говорил это в последний раз. Но он сдержит свое обещание. Она верит ему.

Жюльенна лежала на диване с планшетом на коленях. Фэй подключила беспроводные наушники, чтобы дочь не мешала Яку. У него очень чуткий сон, так что Фэй научила дочь вести себя по утрам как можно тише.

Она опустилась на диван рядом с дочерью и убрала прядь волос с ее лица, без удивления отметив, что Жюльенна уже в тысячу первый раз смотрит «Холодное сердце». Сама Фэй включила на минимальную громкость утренние новости по телевизору, с наслаждением ощущая прикосновение теплого тельца Жюльенны, близость между ними.

Дверь спальни открылась. Фэй услышала, как Як движется в сторону кухни. Она прислушалась к его шагам, пытаясь выяснить, в каком он настроении. Затаила дыхание.

Як откашлялся.

– Ты не могла бы подойти сюда? – спросил он надтреснутым голосом.

Фэй поспешила в кухню, улыбаясь ему.

– Что это такое? – спросил он, делая широкий жест рукой.

– Что именно?

Она терпеть не могла этого ощущения непонимания, сбоя в коммуникации. Ведь они всегда были «Як и Фэй». Равные. Команда, знавшая друг друга до мозга костей.

– На такой столешнице бутерброд себе готовить не хочется, – проговорил Як, проводя ладонью по мраморной поверхности. – Во всяком случае, мне!

Он поднял ладонь, к которой прилипли крошки.

Как она могла так опростоволоситься! Какая небрежность с ее стороны! Ведь она куда умнее...

Фэй схватила тряпку. Сердце билось так сильно, что в ушах застучало. Она поспешно смахнула оставшиеся крошки себе на ладонь и выкинула в мойку. Бросив взгляд на Яка, включила кран и вымыла раковину щеткой. Потом повесила на место тряпку и поставила щетку обратно в серебристый держатель.

Як стоял неподвижно.

– Сделать тебе кофе, дорогой? – спросила Фэй.

Она открыла шкаф, в котором хранились капсулы для кофеварки, и автоматически достала две лиловых. Одну «лунго» и одну «эспрессо» в чашку с небольшим количеством сливок. Як любит крепкий кофе.

Повернув голову, он бросил взгляд в сторону гостиной.

– Каждый раз, когда я ее вижу, она сидит, уткнувшись в планшет. Ты должна что-то сделать. Почитай ей, поиграй с ней...

Несколько капель кофе потекли по наружной стенке белой чашки. Фэй вытерла их пальцем и вложила чашку в руку Яку. Он, похоже, даже не заметил этого.

– Знаешь, что рассказал мне Хенрик? Сага и Карл пользуются своими планшетами не более одного часа в день. Зато ходят в музеи, на уроки музыки и тенниса, читают книги. А еще Сага три раза в неделю занимается балетом – в школе Альханко.

- Жюльенна хочет играть в футбол, - сказала Фэй.

- Об этом даже речи быть не может. Ты ведь знаешь, какие ноги у футболисток! Как два пня. И потом, неужели мы позволим ей играть с девчонками из пригородов, чьи папаши будут стоять у поля и орать судье всякие неприличные слова?

- Хорошо.

- Что хорошо?

- Жюльенна не будет играть в футбол.

Фэй положила руку ему на грудь, прижалась к нему. Провела рукой по животу, рука скользнула вниз, к ширинке.

Як удивленно уставился на нее.

- Прекрати.

В полированном стекле жарового шкафа она увидела очертания своей бледной пухлой руки. Ясное дело, Як не желает к ней притрагиваться. Слишком долго она позволяла себе ходить распустехой.

Фэй заперлась в ванной комнате и, раздевшись догола, принялась рассматривать свое тело под разными углами зрения. Грудь производила удручающее впечатление. Как два тюльпана, увядших в вазе. Стоит ли поговорить с Яком об операции по увеличению груди? Она знала, что Алиса сделала себе такую. Тут важно не перестараться. Не накачать себе два футбольных мяча.

Живот давно уже нельзя назвать плоским, ноги - дряблая бесформенная масса. Если она напрягала ягодицы, на коже образовывались углубления. Как лунный пейзаж.

Фэй подняла глаза. Лицо одутловатое и серое. Кожа и волосы лишены блеска, а на голове – непонятно что. Придвинувшись ближе к зеркалу, она заметила несколько жестких седых волосков. Поскорее вырвала их и смыла в раковину.

Лишь бы он не начал стыдиться ее. Может, уже жаловался друзьям? А они подтрунивали над ним? С сегодняшнего дня она будет питаться только полезной едой и тренироваться каждый день... нет, два раза в день. Больше никакого вина, роскошных ужинов, никаких перекусов по вечерам в ожидании возвращения Яка.

Он постучал в дверь.

– Ты скоро?

Фэй вздрогнула.

– Сейчас, дорогой, – проговорила она. Голос не повиновался ей.

Муж продолжал стоять под дверью, и Фэй занервничала.

– Я знаю, что в последнее время был очень занят, – произнес он. – Что скажешь по поводу того, чтобы поужинать вместе в среду? Только ты и я?

У Фэй, стоявшей без одежды посреди ванной, глаза наполнились слезами. Она торопливо оделась. Милый Як! Дорогой, любимый Як!

Она открыла дверь.

– С удовольствием, милый.

* * *

Два часа спустя Фэй стояла перед мясным прилавком в «Ика» на площади Карлаплан, высматривая что-нибудь вкусненькое на обед. Все, как обычно. Завышенные цены. Детские вопли, вечное гудение вентиляторов. Запах мокрых курток за десятки тысяч крон и шуб, сделанных из натурального меха – не

каких-нибудь там политкорректных искусственных заменителей. Если уж здесь и позволяли себе носить что-нибудь синтетическое, то разве что от Стеллы Маккартни. И то только самое дорогое.

Взяв упаковку утиных грудок, Фэй направилась к кассам. Выбрала ту, за которой сидел Макс. Он обычно работал по воскресеньям.

Фэй проследила глазами за мускулистой рукой Макса, когда тот сканировал товары покупателей, стоявших впереди нее в очереди. Должно быть, он почувствовал ее взгляд, потому что внезапно обернулся и улыбнулся ей.

Когда настал черед Фэй, его улыбка стала еще шире. Глаза сияли.

– Как поживает самая красивая женщина Стокгольма?

Щеки у Фэй запылали. Она понимала, что он говорит это почти всем женщинам, но все же... Он заметил ее.

Из магазина она вышла легкой походкой.

Вернувшись домой, поспешила достать из сумки продукты. Нехорошо оставлять их просто так.

– Ты что, так и ходила?

Фэй обернулась. Як с хмурым видом стоял в дверях.

– Что ты хочешь этим сказать?

Муж указал рукой на ее одежду.

– Нельзя же ходить в магазин в домашней одежде! А вдруг ты наткнешься на кого-то, с кем мы знакомы?

Фэй закрыла дверцу холодильника.

– А Макс за кассой понравился. Он назвал меня самой красивой женщиной Стокгольма.

У Яка на лице задвигались желваки. Фэй осознала, что совершила ошибку. Ей следовало бы знать, что с ним такие шутки не проходят.

– Ты флиртуешь с мальчиками за кассой?

– Нет, я не флиртую. Я люблю тебя, Як, ты это знаешь, но я же не виновата в том, что мне делают комплименты.

Муж фыркнул.

Фэй проводила взглядом недовольную спину Яка, когда он направился в свой кабинет. Несмотря на спазм в животе, она почему-то обрадовалась его гневу. Подумала: «Ему не все равно. Ему на меня не наплевать».

* * *

Жюльенна заснула. Як и Фэй лежали в постели: он – раскрыв на животе лэптоп, она – за просмотром передачи по пятому каналу.

– Сделать звук потише?

Як сдвинул очки на кончик носа и опустил экран компьютера, чтобы взглянуть в телевизор.

– Да нет, ничего страшного, – с отсутствующим видом произнес он.

Ведущая, держа в руках карточки с разными сценариями, представляла очередного участника.

– Это Лиза Якобссон? – спросил Як.

– Да.

– Раньше она была такая красивая... Как же она постарела! И какая толстая...

И снова поднял монитор.

Когда он заснул, Фэй залезла в «Википедию», прикрыв рукой экран своего «Айфона». Лиза Якобссон оказалась на два года моложе ее.

Стокгольм, август 2001 года

Обряд посвящения в Торгово-экономическом институте держался в тайне – руководству не полагалось знать, как нас, первокурсников, будут унижать и опаивать. Нам сказали, что участие – добровольное, однако для меня выбора, строго говоря, не существовало. Я твердо решила сделать все необходимое, чтобы стать своей, влиться в компанию. Сейчас, когда жизнь началась с чистого листа, у меня наконец возникла возможность так сделать.

На маленьком лужке у воды в парке Хага нас собралось пятнадцать человек – все нервничали, все были девушки. Туда пришли примерно столько же второкурсников. Все, без исключения, парни. С собой они принесли несколько больших пакетов из «ИКЕА» с реквизитом. Выстроив нас в ряд, внимательно осмотрели всех по очереди. Велели нам снять с себя все, кроме белья, и дали каждой по черному мешку для мусора с отверстием, в которое надо было просунуть голову. После этого нам дали выпить по две стопочки водки. Рядом со мной оказалась рослая фигуристая девушка с веснушками и буйной рыжей шевелюрой.

– На колени! – крикнул негласный лидер второкурсников Микаэль – сын известного магната в области недвижимости.

У него были светлые волосы и маленькие пороссячи глазки – казалось, он привык, чтобы ему повиновались. Мы поспешили выполнить его указания.

– Хорошо, – продолжал он, доставая коричневое яйцо. – Желток этого яйца вы должны будете передавать друг другу без помощи рук, изо рта в рот. Когда он вернется к первой из вас, она должна будет проглотить его. Первой будешь ты. Как тебя зовут?

Все завертели головами, желая увидеть ту, которой выпал самый невыигрышный билет.

- Крис, - ответила девушка рядом со мной.

Микаэль разбил яйцо о колено, вылил белок на землю и протянул скорлупу с желтком Крис. Она взяла ее, без промедления вылила себе в рот желток и повернулась ко мне. Наши губы встретились, парни радостно завопили. Желток перешел ко мне, я изо всех сил боролась с рвотными спазмами. Повернув голову влево, повторила процедуру со следующей девушкой.

- Ты точно потом его проглотить? - спросила я Крис.

Она пожала плечами.

- Я родом из Соллентуны. Мне приходилось глотать и кое-что похуже.

Я хихикнула. Ее лицо сохраняло спокойное выражение.

- Ты пойдешь на вечеринку?

- Да. Хотя эти избалованные сопляки, одурманенные властью, вызывают у меня аллергию. Они просто пользуются случаем унижить девушек, задушив им голову. Эти гении - самые отстойные в институте. Именно поэтому ритуал проводится до начала семестра, пока мы не успели понять, какие они лузеры. Через две недели никто из девушек даже не посмотрит в их сторону.

- Тогда почему ты здесь?

- Чтобы отделить зерна от плевел - знать, кто они такие, и избегать их, - сухо ответила она. - Кстати, у тебя прекрасные губы. Если я напьюсь и не найду, с кем целоваться, то разыщу тебя.

В глубине души я понадеялась, что именно так она и поступит.

Вечер продолжался в прочих пьяных мероприятиях, которые, казалось, были направлены лишь на то, чтобы возбудить парней. Они вылили нам на волосы

жидкость из банок с тухлой салакой, так что нам пришлось искупаться в одном белье. Они рисовали большие нули на лбу у тех, кто проигрывал в соревнованиях, а тем девушкам, кто быстро захмелел, парни оставляли на груди, пояснице и ягодицах свои автографы. Все чаще кто-то, шатаясь, отходил в сторону, чтобы проблеваться, однако нам наливали еще и еще.

Когда совсем стемнело, настало время двигаться дальше. Мы в последний раз окунулись, и нам вернули нашу одежду. Они организовали старый автобус, чтобы отвезти нас на вечеринку – он был уже наполовину заполнен теми, кто не решился пойти на ритуал.

Когда мы вошли, все зажали носы. От нас исходил запах блевотины, морской воды и тухлой салаки. К тому же пахло водкой. Двух девушек пришлось внести в автобус – их положили в проходе в одном белье. У одной из них съехал лифчик, наружу торчала белая грудь с темным соском. Парни хохотали, указывая на нее пальцами. Один из них поднялся с места и устремился вперед с цифровым фотоаппаратом в руках. Крис отреагировала мгновенно: выбросила вперед руку, словно шлагбаум, потом сама поднялась на ноги, закрывая ему проход.

– И куда это ты собрался, малыш?

– Она все равно ничего не заметит, – проговорил он заплетающимся языком. – Она ведь спит. Отойди с дороги.

Крис сложила руки на груди и фыркнула. Я отметила, что в волосах у нее водоросли – тем не менее весь ее вид внушал уважение. Она стояла устойчиво, как сосна, хотя автобус трясло. Ее ноги словно приросли к полу. Парень, который был на голову выше ее, утратил самоуверенный вид.

– Не будь такой занудой, это просто шутка. Ты что, феминистка, что ли? – спросил он, с ухмылкой произнося слово «феминистка», будто ругательство.

Крис и бровью не повела. Теперь все взгляды были обращены на них.

– О'кей, мне плевать.

Парень рассмеялся и постарался выглядеть так, словно это не он только что схлестнулся с девушкой и проиграл ей.

- Куда ты направился? - крикнула ему вслед Крис, когда он побрел прочь.

Я затаила дыхание. Она с ним еще не закончила?

- Сесть хочу, - неуверенно ответил он.

- Забудь об этом, ты вернешься сюда.

Он повернулся и нехотя сделал несколько шагов обратно к ней.

- Снимай джемпер, - велела Крис.

- Что? - У парня округлились глаза. - Не собираюсь!

Он огляделся, ища поддержки, но все лишь с любопытством наблюдали за этой сценой.

- Сними свой ужасный джемпер из начала девяностых и дай его сюда. Поторопись; ты же видишь, что ей холодно?

Он сдался, сделал, как она велела, покачал головой и вернулся на свое место. Под розовым джемпером скрывалось бледное жирное тело с отчетливыми висячими мужскими сиськами - парню явно было не по себе.

Крис разбудила девушку, подняла ей руки и бережно надела на нее джемпер.

- Дай мне бутылку, - сказала она, снова плюхаясь рядом со мной, и сделала несколько глотков пива.

- Отлично сработано, - прошептала я, ставя бутылку себе на колени.

- Спасибо. Но надевать на бедняжку это уродство - почти насилие, - пробормотала Крис.

Отведя Жюльенну в детский сад, Фэй бесцельно бродила по Эстермальму. Хватит сидеть дома. Нужно больше двигаться. Сжигать жир, стать стройной и тренированной. Старение надо остановить любой ценой.

В животе урчало. Позавтракать она еще не успела. Только выпила черного кофе, чтобы быстрее сжигать жиры во время прогулки. Образы съестного проносились в мозгу, как в гастрономическом калейдоскопе. Если она вернется домой, то не сможет устоять перед искушением и уничтожит все припасы. Фэй прибавила шагу. Прошла по улице Карлавеген в сторону парка Хумлегорден.

Поморщилась, ощущая, как вспотела спина. Потеть ей совсем не нравилось. Но, как говорила Алиса, «пот – это слезы жира». Хотя на лице у той она никогда не замечала ни бисеринки пота.

Фасады домов девятнадцатого века с важным видом склонялись над ней, строгие и неприступные. Небо было голубым, а солнце отражалось в белом, только что выпавшем снегу, еще не покрытом серой пленкой. Несмотря на пот, Фэй чувствовала себя в приподнятом настроении. Предложение Яка о совместном ужине – поворотная точка. Этот ужин станет поворотной точкой.

То, что их отношения находятся в стадии застоя, во многом – ее вина. Пора снова стать той, кого он хочет. Наступает новый отсчет времени.

Для себя Фэй твердо решила не принимать предложения Крис поехать отдохнуть на выходные. Она нужна дома – было бы эгоизмом отправиться на бессмысленный уикенд. Она избегала отвечать на звонки Крис – заранее знала, как та отреагирует и что скажет.

Фэй прибавила шагу. Казалось, она буквально ощущает, как слетают лишние килограммы, шаг за шагом, грамм за граммом. Ненавистный пот впитывался в одежду.

Возле красной кирпичной стены Восточного реального училища стояли и курили украдкой несколько учеников. Две девушки и два парня. Когда они смеялись, изо рта и носа у них вырывались серые клубы дыма. Казалось, они не знают забот. Несколько лет назад – в другую эпоху, в другой жизни – это могли бы быть она, Як, Хенрик и Крис.

Як – весельчак и шутник. Бесшабашный аристократ, у которого в кармане всегда лежало приглашение на очередной банкет. В искусстве общения и умения рассмешить других ему не было равных. Хенрик был стратегом и мыслителем. Он происходил из очень простой семьи в одном из пригородов Стокгольма и выбрался оттуда лишь благодаря успехам в учебе. Изучал промышленную экономику в Королевском техническом институте, параллельно учась в Торгово-экономическом...

Фэй прошла мимо кондитерской. Пирожные, торты и булочки с корицей громоздились друг на друга. Слюнки потекли рекой, и она отвела глаза. Еще прибавила шагу. Спаслась бегством. На Ньюбругатан дала себе передышку. Зашла в «Кафе Мокко», заказала себе чашку зеленого чая. Без сахара. Вкус был отвратительный, горький, однако она все равно выпила, поскольку читала, что зеленый чай ускоряет сжигание жира. Рассеянно перебирая стопку газет, обнаружила воскресное приложение к «ДИ» за прошлую неделю с Хенриком и Яком на развороте. Дорогостоящая фотосессия. Они сидели в старинном мотоцикле с коляской. Солнцезащитные очки и кожаные куртки. Як – в седле, Хенрик – в коляске, в кожаном шлеме пилота на голове. Довольные лица, широкие улыбки.

Заголовок гласил: «Миллиардная империя рвется в бой». Открыв газету, Фэй пролистала ее, ища интервью. Репортер Иван Уггла целую неделю провел с ними бок о бок. Странно, что Як ничего ей не сказал... Правда, у него часто брали интервью – однако не для таких огромных репортажей.

Текст начинался с зарисовки в их офисе на острове Бласиехольмен. Як поделился, как тяжело им пришлось работать в те времена, когда создавался «Компэр». Рассказал, как работал днем, а по вечерам выстраивал бизнес-планы. Изначально планировалось, что «Компэр» станет фирмой телефонных продаж.

«Я понимал: для успеха я должен пожертвовать всем, отдать все фирме и Хенрику. Ни времени, ни денег не оставалось ни на что – только работа, работа, работа, чтобы создать “Компэр” и содержать самих себя. Чтобы выиграть, приходится делать высокие ставки».

Правда заключалась в том, что Яку вовсе не надо было подрабатывать, поскольку сама она бросила учебу, чтобы содержать его, и целыми днями протирала столы в кафе «Мадлен». Примерно тогда же они вместе разработали стратегию самораскрутки, которая оказалась оптимальной для предприятия.

Интервью продолжалось в том же духе. В 2005 году «Компэр» из самой успешной торговой фирмы превратилась в инвестиционную компанию. Скупая малые предприятия и повышая эффективность производства, можно было продать их с огромной прибылью. Нередко их разбивали на части и продавали дороже, чем можно было выручить за всю фирму в целом. Это означало, что за все эти годы они много кому наступили на больные мозоли, но прибыль говорила сама за себя, и в мире бизнеса, где победителей не судят, Яка Адельхейма и Хенрика Бергендаля единодушно объявили гениями.

Еще через некоторое время они продали почти всё, чтобы вложить средства в компанию – поставщика электроэнергии, а также предприятия общественного блага: частные дома престарелых и школы. С теми же прекрасными результатами. Казалось, все, к чему прикасаются Як и Хенрик, обращается в золото, и все стремились пообщаться с юными Мидасами. Название фирмы, взятое еще в ранние годы, – то самое, которое придумала Фэй, – они сохранили. Нелепо что-то менять, когда тебе постоянно сопутствует удача.

Те ранние годы, когда Фэй содержала Яка, одновременно помогая заложить основу «Компэр», ныне словно вычеркнуты. Иногда она ломала голову, помнят ли об этом Як и Хенрик или же они переделали прошлое даже в собственном сознании. Ее вклад не вписывался в распространяемый СМИ образ двух молодых мужчин, настойчивых и дерзких предпринимателей – Яка Адельхейма и Хенрика Бергендаля. К тому же сценарий был идеален, она сама в свое время указала им на это. Як со своим аристократическим происхождением, яркой внешностью и манерами денди – и Хенрик, выходец из рабочей окраины, грубоватой наружности, словно олицетворяющий собой человека из низов, проложившего себе путь к успеху. Непобедимое сочетание! Фэй лучше было держаться в тени, чтобы не усложнять эту простую и эффектную картину.

Репортер отправился однажды утром вместе с Яком на пробежку по Юргордену. Иван Уггла с энтузиазмом повествовал о том, как долго они бегали и сколько километров пробежали. Слухи о том, что «Компэр» вот-вот будет котироваться на бирже, Як со смехом отбросил на бегу.

На последнем развороте красовалось фото Яка, снятое в конторе. Он стоит, склонившись над письменным столом, погруженный в важный разговор, указывая на какую-то бумагу. Рядом с ним, ближе к камере, видна Ильва Лендорф в голубой юбке-«карандаш», со строгим хвостиком на затылке.

Когда-то Ильва блеснула в издательской отрасли. Заставила кривые, указывающие вниз, снова рвануть вверх. Отличилась новым мышлением, умением оптимизировать, ставить под сомнение утверждения типа «Так мы делали всегда». Изменяла структуры, ломала каменные стены. Тремя годами ранее Фэй познакомилась с ней на вечеринке, и Ильва сказала, что ищет чего-нибудь нового. Ее энергия и острый ум понравились Фэй – по ее совету Як две недели спустя принял Ильву на работу. Спустя год она стала финансовым директором «Компэр». Свою роль сыграло и то, что наличие женщины в руководстве выглядело очень современно, на что Фэй тоже обратила внимание Яка. Этой женщиной она стать не могла, поскольку они приняли совместное решение – в первые годы Фэй будет дома с Жюльенной.

Она провела пальцем по фотографии – по фигуре Ильвы, ее спине, попке, стройным загорелым ногам до самых черных «лодочек». Она стала такой, какой мечтала стать Фэй. Разница в возрасте составляла всего пять лет, но казалось – не менее двадцати. Вместо того, чтобы находиться в гуще событий в офисе, быть красивой и успешной, Фэй сидела сейчас в «Мокко», пила горький зеленый чай и мечтала о булочке на стойке у кассы. В мрачном настроении Фэй сложила газету. Свой выбор она сделала. Ради Яка. Ради семьи.

Лежа на коврике для йоги в только что купленном тренировочном костюме, Фэй выполняла позу собаки, когда Як вернулся домой. Он отбросил портфель и встал позади нее. Комната наполнилась запахами туалетной воды и алкоголя. Закончив упражнение, Фэй поднялась и подошла к нему. Когда она попыталась поцеловать его в щеку, он отвернулся.

– Хорошо повеселились? – спросила Фэй и снова ощутила спазм в животе.

Як рывком схватил со столика пульт и выключил телевизор, где прокручивался ролик по йоге для начинающих.

– Ты разговаривала с Йоном Дескентисом, чтобы пригласить его выступить на моем дне рождения? – спросил он.

– Я подумала, что...

– Фэй, он – алкаш. Ты устраиваешь не студенческую вечеринку. Там будут клиенты. Инвесторы. Родственники, которые всю жизнь смотрели на меня как на

лузера, из-за моего папаши. На этом вечере они увидят, как высоко я поднялся. Увидят, что я не такой, как мой забулдыга-отец.

Он тяжело дышал, голос сорвался на фальцет.

- И тут ты приглашаешь Йона Дескентиса в качестве развлекательной программы... Словно мы - полное убожество!

Фэй невольно отступила на пару шагов.

- Ты всегда его слушаешь. У тебя есть все его пластинки. Я подумала, что ты...

- Прекрати. Как это будет смотреться со стороны, если Йон Дескентис выступит на моем празднике? Я не желаю, чтобы нас ассоциировали с такими, как он. Он - алкоголик. В точности, как мой папаша.

Як опустился на диван, громко вздохнул.

- На самом деле я сам виноват, - проговорил он. - Я не должен был поручать тебе организацию праздника. Черт подери, ты устроила день рождения Жюльенны в «Макдоналдсе»!

Фэй хотела сказать, что таково было желание самой Жюльенны и что всем детям очень понравилось, но слезы стали жечь ей глаза, когда Як презрительно ухмыльнулся.

- Как я мог подумать, что ты сможешь организовать прием для трехсот человек в «Хассельбаккене»? [5 - «Хассельбаккен» - дорогой ресторан и отель в Стокгольме.]

- Я справлюсь, Як, ты это прекрасно знаешь. Забудем Йона Дескентиса - я ему пока не звонила. Позволь мне организовать все это для тебя. Я так хочу, чтобы у тебя был великолепный праздник - такой, о котором ты мечтал...

- Поздно.

- Что ты хочешь сказать?

– Я обратился в бюро по организации мероприятий. Ты можешь вернуться к своим... к своей тренировке.

Он сделал жест в сторону ее спортивного костюма. Внутри у нее все сжалось еще сильнее.

Як подошел к подставке для дисков, достал несколько штук, пошел в кухню и выкинул их в помойное ведро. Ей не нужно было проверять, чтобы понять, какие именно.

Фэй закрыла лицо руками. Как она могла быть такой дурой? Как она не догадалась, что подобное испортит репутацию Яка? Она должна была сообразить. Ведь она знает его, как никто...

Фэй свернула коврик для йоги и погасила свет. Когда она умылась и почистила зубы, Як уже спал. Он лежал к ней спиной, далеко на своей половине кровати, отвернувшись лицом к окну. Она осторожно придвинулась к нему – настолько близко, насколько было можно, не потревожив его сон. Вдохнула его запах.

В ту ночь она долго не могла заснуть.

* * *

На следующее утро между ними все еще ощущался холодок. Як сидел и работал в кухне, а Фэй лежала на диване перед телевизором, смотря реалити-шоу.

Из холла донесся резкий телефонный сигнал, однако на этот раз Фэй решила не брать трубку. Услышала вздох, донесшийся из кухни, раздраженные шаги – и звонки прекратились.

Минуту спустя Як с недовольным лицом появился перед ней.

– Это тебя, – сказал он.

Она протянула руку, но Як, проигнорировав ее, положил телефонную трубку на журнальный столик и вернулся в кухню.

– Ты так и не перезвонила мне по поводу поездки, – услышала она в трубке голос Крис. – Ты переговорила с Яком?

– О, нет. Подожди минутку.

Фэй поднялась и пошла в туалет. Заперлась там.

– Алло? – Села на крышку унитаза. – Сейчас никак не получается. У меня очень много дел, к тому же я должна организовать день рождения Яка. Может быть, отложим до лета?

Крис вздохнула.

– Фэй, я... я слышала от одной знакомой, что организация дня рождения Яка поручена их бюро.

Фэй выдвинула ногой весы из-под раковины, встала на них. Никаких изменений. Она обречена всегда оставаться толстой.

– Да, я поняла, что у меня на это нет времени. Извини, пожалуйста, я сейчас не могу говорить, у меня очень много дел.

– Послушай... – прозвучал на другом конце теплый голос Крис.

Фэй вдруг вспомнила, как они веселились в тот вечер, когда пошли в бар с Яком и Хенриком, и Крис вступило, что надо потанцевать на столе. Як держал Фэй за руку, крепко сжимая ее ладонь.

– Что?

– Может быть, все же поедем, чтобы ты могла посмотреть на все немного со стороны? Плевать на день рождения Яка. Уверена – никакое бюро не организует его лучше, чем ты.

Фэй задвинула весы обратно под раковину и пообещала себе неделю не взвешиваться. Дождаться заметных результатов.

– У меня возникла одна мысль, – продолжала Крис. – Мне в моей фирме нужен человек вроде тебя. Со светлой головой, понимающий в бизнесе и знающий, чего хотят женщины. Тебе не хотелось бы выбраться из дома и снова пойти работать? Как-никак Жюльенна уже пошла в садик...

Фэй закрыла глаза. Видеть свое отражение в зеркале было невыносимо.

– Подготовительный класс, Крис.

– Что-что?

– Это называется не садик, это называется подготовительный класс... Нет, спасибо, я не хочу и не нуждаюсь в работе. Если бы мне нужна была работа, я давно все организовала бы сама.

– Но...

– Знаешь, в чем твоя проблема, Крис? Ты считаешь себя лучше меня. Ты вообразила, что все хотят жить такой же бессмысленной жизнью, как и ты, но мне не кажется таким уж увлекательным занятием совокупляться со своим двадцатичетырехлетним личным тренером или напиться до такой степени, чтобы завтра ничего не помнить. Это вульгарно и нелепо. Вместо того чтобы поучать меня, ты могла бы понять, что тебе пора повзрослеть. Я люблю мужа, люблю дочь, у меня есть семья! Я хочу быть с ними. И подозреваю, что в глубине души ты завидуешь мне и моей жизни. Думаю, в этом все дело. И я понимаю, что ни один мужчина не выдержал бы жизни с тобой. И...

Крис бросила трубку. Фэй уставилась на свое отражение в зеркале. Она уже и сама не понимала, кто эта женщина, которая смотрит на нее.

Стокгольм, август 2001 года

Здание, куда нас в конце концов привезли, располагалось в пустынной промзоне. В углу соорудили временную барную стойку. Грохот басов был слышен даже на улице. Вскоре все разделились на парочки, обнимались, целовались и то и дело ускользали парами в маленькие комнаты на верхнем этаже...

Я протрезвела. Закатила глаза, поймав взгляд Крис, – ей, похоже, тоже было скучно. Отправила эсэмэску Виктору, спрашивая, чем он занят. Невольно улыбнулась, когда писала ее. За пару дней до того мы всерьез обсуждали мой переезд в его новую квартиру в Ярдет, поскольку я все равно практически никогда не бывала в малюсенькой однокомнатной квартирке на Виллагатан, которую недавно сняла.

– Жалко времени, убитый вечер, – буркнула Крис. – Лучше я поеду в город, чтобы хорошенько повеселиться.

Я окинула взглядом студенческую версию Содома и Гоморры.

– Можно мне с тобой?

– Конечно, только вызову такси. Но сначала заедем ко мне и приведем себя в порядок. От нас воняет.

Крис снимала однокомнатную квартирку на площади Санкт-Эриксплан. По всем тридцати пяти метрам жилой площади была разбросана одежда. Постель стояла неубранная, на стенах – ничего, кроме книжной полки с учебной литературой. Если б я задалась вопросом, как ей удалось поступить в Торгово-экономический институт, то нашла бы ответ на письменном столе. Там среди счетов и рекламы валялся листок с результатами выпускных экзаменов. Крис получила 2,0. Лучший из возможных результатов. Я не удивилась.

Мы быстро приняли душ.

– У тебя великолепная грудь, – сказала Крис, когда я вышла из ванной в ее трусиках. – И чертовски красивое тело. Здорово, что есть люди, не купившиеся на идеал красоты, наводящий на мысли об анорексии.

– Спасибо, – растерянно проговорила я.

Впервые мне довелось услышать комплимент по поводу своей груди и своего тела – от девушки.

– Ты можешь одолжить мне лифчик? От моего воняет тухлой салакой...

Я показала свой застиранный лифчик.

- Да на фига он тебе? Это все равно что ездить на «Феррари», накрыв его чехлом. Сделай одолжение всем лесби и мужчинам-натуралам – выпусти на волю эти классные сиськи!

- Сжечь лифчик? – Я улыбнулась.

- Yeah, sister![6 - Да, сестра! (англ.)] – воскликнула Крис, схватила свой провонявшийся лифчик и стала крутить его над головой.

Я рассмеялась, оглядела себя в маленькое зеркало, стоявшее у нее на полу в прихожей, и пожала плечами. Когда я смотрела на себя глазами Крис, то вдруг начинала нравиться себе куда больше.

- Куда пойдём?

- Рванем в какой-нибудь из дешевых баров вокруг института. Там сидят настоящие лакомые кусочки. Не какие-нибудь наследники и сыночки банкиров – они уже давно выродились, – а те, кто по-настоящему интересен. На, примерь вот это!

Крис кинула мне серый кусок ткани.

- Это что – прихватка? – скептически спросила я, разглядывая платье, которое вряд ли закрыло бы мне попу.

- Чем меньше, тем больше, малышка, – заявила Крис, покрывая свои ресницы невероятным количеством туши.

Я надела платье, которое не оставляло простора для воображения. Вырез казался весьма смелым. Я повернулась. Спина тоже оказалась открытая.

- Горячо! – воскликнула Крис, когда я встала перед ней в позу. – Если ты в этом платье никого себе не подцепишь, то уж тогда никогда, помани мое слово.

– У меня есть парень, – напомнила я.

– Второстепенные подробности, – отмахнулась Крис. – Иди садись, я сделаю тебе прическу. А то у тебя такой вид, словно ты только что вывалилась из переполненного автобуса.

Она помахала ножницами и щипцами для завивки.

Я отнеслась ко всему этому скептически, однако покорно села. Спорить с Крис как-то не приходило в голову.

* * *

Час спустя мы открыли дверь бара «N'See» и вошли внутрь. Как и обещала Крис, в помещении было полно студентов старших курсов нашего института. Несколько лиц показались мне знакомыми.

– Займи нам места, а я возьму пива, – сказала Крис, протискиваясь к бару.

Меня смущало то, что она заплатила и за такси, и за пиво, однако пока я была просто не в состоянии угостить ее. Стипендии едва хватило на еду и квартиру, оставалось всего ничего, и я как раз находилась в интенсивных поисках подработки.

В дальнем углу зала я обнаружила свободный столик. Из динамиков зазвучала песня группы «Оазис» «Don't Look Back in Anger» – слишком громко, чтобы чувствовать себя комфортно.

Дверь на улицу стояла нараспашку. Веранда уже закрылась, и несколько посетителей стояли там, словно колеблясь, зайти им внутрь или нет. Я проверила телефон. Никаких сообщений от Виктора.

Крис поставила на стол два бокала с пенным напитком. Стекло на них запотело, скользило в руке, когда я подносила бокал ко рту. В голове слегка стучало от всего выпитого в течение дня, но пиво быстро исправило положение. Крис нарисовала что-то на запотевшем стекле моего бокала. Я повернула его, чтобы посмотреть, что именно. Сердечко.

- Зачем? - спросила я.

- Это приносит удачу, - проговорила она, пожимая плечами.

Я стерла сердечко. В моей предыдущей жизни удача никогда не играла никакой роли.

Подняв бокал, я выпила бо?льшую часть холодного пива, мечтая погрузиться в забвение. Матильды больше нет. Теперь я - Фэй, и больше никто. Может быть, ей повезет больше? Я нарисовала на бокале новое сердечко.

Крис как раз рассуждала о том, как инфантильно вели себя парни на ритуале посвящения, когда в дверь вошли два человека.

- Ты меня слушаешь? - спросила она, тронув меня за руку.

Я рассеянно кивнула. Сердечко на запотевшем стекле еще виднелось, но стало бледнее. Крис подняла глаза к небу и обернулась, чтобы посмотреть, что привлекло мое внимание.

- Ух ты! - пробормотала она.

- Что такое?

- Ты что, не знаешь, кто это? - спросила Крис, указывая большим пальцем на дверь.

- Нет. А что, я должна его знать?

Мне очень хотелось еще пива, но приходилось ждать, пока меня снова угостят.

- Это Як Адельхейм, - шепнула Крис.

Имя ничего мне не говорило. Я стерла пальцем сердечко, которое нарисовала.

В среду в половине седьмого вечера раздался звонок в дверь. Это была Юханна – няня, которую Жюльенна любила больше всех. Пока Як работал у себя в кабинете, Фэй надела свое самое красивое белье от «ЛаПерла», переоделась в черное платье «Дольче и Габбана», которое ему так нравилось, и тщательно наложила макияж.

– Какая ты красивая! – сказала Юханна и наклонилась, чтобы снять уличную обувь.

– Спасибо! – ответила Фэй и покрутилась на каблуках, отчего Жюльенна, сидящая на диване в гостиной, восторженно захихикала.

– Свидание – это так романтично, – сказала Юханна. – Куда вы собираетесь?

– В Театральный ресторан.

Столик Фэй заказала еще накануне. Ей приятно было услышать, как изменился голос официанта, когда она представилась и сообщила, что она и ее муж Як Адельхейм намерены нанести визит.

Жюльенна смотрела «Лотту с Горластой улицы». Усевшись рядом с ней, Фэй обняла ее и пояснила, что уложит ее Юханна и что они с папой, скорее всего, вернутся поздно.

Юханна уселась на диван рядом с Жюльенной, обняла ее одной рукой и спросила, как прошел день и чем она занималась. Жюльенна придвинулась ближе к ней и стала радостно рассказывать.

Фэй благодарно улыбнулась Юханне. Им с Яком так необходим этот вечер...

Фэй хотелось, чтобы Як увидел ее во всей красе, просиял, как это бывало в первые годы их совместной жизни. Зайдя в гардеробную, она надела лодочки от «Ив Сен-Лоран», подошла к сервировочному столику с напитками и налила виски. С бокалом в руке постучала в дверь кабинета. Прежде чем открыть дверь, вдохнула запах. В виски ей больше всего нравился запах – вкус она находила отвратительным.

Як сидел за рабочим столом, уткнувшись в компьютер. Комната в башне была такой же тихой, как обычно. За окнами царила непроглядная темень.

- Да-да? - пробормотал он, не поднимая глаз.

Волосы были взлохмачены. Как обычно, Як проводил рукой по челке, когда работал. Фэй поставила перед ним бокал. Двумя пальцами подвинула его ближе по крышке стола. Як удивленно посмотрел на нее красными, усталыми глазами.

- Что такое?

Она отступила назад и покрутилась на месте, впервые за много месяцев ощущая себя по-настоящему красивой.

- Я надела твое любимое платье. То, которое ты купил мне в Милане.

- Фэй...

- Подожди, самое пикантное еще впереди, - проговорила она, приподняла подол платья и показала ему черные кружевные трусики.

Они обошлись ей более чем в две тысячи крон и были украшены изящнейшим французским кружевом. Размер M. Если приложить усилия, то вскоре она сможет купить себе трусики размера S. И даже XS.

- Ты прекрасна. - Як даже не взглянул на нее.

- Я достала тебе костюм. Выпей виски, потом переоденься. Сначала напитки в «Гранд-Отеле», а потом нас ждет столик в «Театральном ресторане». Такси приедет через полчаса. Я с удовольствием пошла бы пешком, но в такой обуви это будет трудно...

Она показала ему черные туфли на высоких каблуках.

На лицо Яка легла тень. Фэй увидела свое отражение в стеклах кабинета в башне. Нелепая фигура в платье-футляре от «Дольче и Габбана», на высоченных каблуках и с ожиданиями до небес. Он забыл, что именно сегодня они

собирались в ресторан. Пить, смеяться, разговаривать – чтобы он вспомнил, как любил когда-то общаться с ней. Вспомнил вечера, которые они провели вместе в Барселоне, Париже, Мадриде и Риме. Их первые месяцы в Стокгольме, когда они буквально не могли оторваться друг от друга...

Фэй закусила губу, чтобы не расплакаться. Стены комнаты придвинулись, словно пытаюсь сдавить ее. Тьма за окном казалась черной дырой, пытавшейся засосать ее целиком. Выражение лица Яка становилось все более несчастным. Она ненавидела, когда он жалел ее. В его глазах она, наверное, казалась преданной собачкой, жаждущей любви хозяина.

– Я совершенно забыл об этом. Сейчас такая куча работы... Ты не представляешь себе, что Хенрик...

Она заставила себя улыбнуться. Не быть навязчивой и требовательной. Быть милой и сговорчивой. Не требовать внимания к себе. Однако отражение в стекле показывало, какой неестественной получилась улыбка. Перекошенная маска.

– Я все понимаю, дорогой. Работай. В ресторан ходим в другой раз. Ничего страшного. У нас впереди – вся жизнь.

Лицо Яка задергалось. Мелкие, короткие спазмы – тик, который у него всегда возникал от стресса.

– Прости. Я обязательно тебе это компенсирую. Обещаю.

– Знаю. Не думай об этом.

Фэй сглотнула и повернулась спиной, пока он не увидел, как у нее заблестели глаза. Выходя, она мягко закрыла за собой дверь его кабинета.

* * *

На диване в гостиной Жюльенна пыталась заплести в косичку рыжие волосы Юанны.

– Какая ты умница! – сказала ей Юханна.

Обычно Фэй любила поболтать с ней. Но сейчас ей хотелось только одного – чтобы Юханна исчезла. Слезы наворачивались на глаза, в горле стоял ком.

– Меня мама научила, – сказала Жюльенна.

– Как здорово! Какую книгу сегодня будем читать?

– «Мадикен». Или «Пеппи».

После разговора с Яком на прошлой неделе Фэй скупил в книжном магазине все книги Астрид Линдгрен, которые нашла.

Фэй кашлянула. Веснушчатое лицо Юханны повернулось к ней.

– Уже уходите? – спросила она.

– Нет. Планы изменились. Придется перенести. Много работы навалилось.

Фэй попыталась усмехнуться, но тьма, таившаяся внутри нее, грозила вырваться наружу, то поднимаясь, то опускаясь.

Юханна склонила голову набок.

– Как жалко! Ты так старалась... Хочешь, я все равно уложу Жюльенну?

– Нет, спасибо.

Фэй проглотила ком в горле, когда Жюльенна уцепилась за рукав Юханны. Достав из сумочки две сотенные, она протянула их няне. Юханна отмахнулась свободной рукой.

– Не надо, я же пробыла у вас минут пятнадцать.

– Ты все же распланировала ради нас этот вечер. Возьми, я вызову тебе такси.

Жюльенна, всхлипывая, продолжала тянуть няню за рукав.

– Я не хочу, чтобы Юханна уходила! Хочу, чтобы она была тут!

Юханна наклонилась и погладила ее по щеке.

– Мы увидимся послезавтра, когда я приду забирать тебя из садика. Я могу почитать тебе прямо в такси по дороге домой.

– Обещай!

– Честное-пречестное. Пока, моя дорогая!

Заперев дверь за Юханной, Фэй сняла туфли, швырнула их на пол в прихожей, отвела Жюльенну в ванную и велела ей чистить зубы.

– Выплюни пасту, а потом мы пойдем читать «Мадикен».

– Я хочу, чтобы Юханна читала! Она лучше читает!

– Юханна сейчас здесь нет. Тебе придется довольствоваться мною.

Фэй понесла Жюльенну в комнату. Девочка извивалась в ее руках, дрыгала ногами, то и дело попадая коленками по животу. Фэй было больно, ком в горле разросся, так что стало трудно дышать.

Она поставила Жюльенну на пол и встряхнула ее. Сильно. Слишком сильно.

– Хватит уже!

Плач внезапно оборвался.

Жюльенна уставилась на нее, словно пребывая в шоке. Никогда раньше Фэй не срывалась при дочери, всегда улыбалась ей, гладила по щеке, говорила, что она лучше всех на свете. Но сейчас в ней шевельнулась тьма. Отдаленный гул из

потайных уголков. То, что было давно похоронено. В другой эпохе. В другой жизни.

Жюльенна залезла в постель и свернулась калачиком. Фэй знала, что должна утешить ее, попросить прощения, загладить неприятный эпизод. Но сил не было. Внутри ощущалась лишь полная пустота.

Она закрыла глаза, пытаясь снова стать собой. Но прошлое настигло ее, напомнило ей, какая она маленькая и ничтожная. Кто она на самом деле.

- Спокойной ночи, - тихо проговорила Фэй, погасила свет и вышла из комнаты.

* * *

Она без всякого плана бродила по галлерее «НК». Старинный изысканный универмаг оставался одним из немногих мест, даривших Фэй хотя бы временное успокоение. Иногда ощущение удушья становилось таким явным – единственное, что ей помогало, это побродить по роскошным бутикам и повертеть в руках все эти красивые вещи.

Продавщицы узнавали ее. Молодые женщины улыбались ей своими увеличенными за счет инъекций губами – и она знала, что они готовы на все, лишь бы поменяться с ней местами. В их глазах у нее есть все! Миллионы в банке, статус, муж, гарантирующий ей место в иерархии...

В «НК» в этот час было почти пусто. У магазина «Тайгер» она всегда думала о нападении на министра иностранных дел Анну Линд – и о том, как преступник убежал прочь по галерее. Одно из тех сюрреалистических мгновений, когда наносное сталкивается с безобразной действительностью. На мгновение весь мир замер, изумленными глазами взирая на Швецию, которую во многих уголках света считали раем на земле – страну без проблем, без преступности, населенную одними лишь рослыми блондинками с высоким бюстом, обставленную мебелью «ИКЕА» и воспетую квартетом «АББА». Образ насквозь фальшивый, как и вся ее жизнь. Столь же невероятный, как вид Анны Линд, истекающей кровью рядом с серыми костюмами и белыми рубашками в магазине «Тайгер».

В животе у Фэй немилосердно урчало, пока она рассматривала черный комбинезон почти за десять тысяч. Вместо того, чтобы есть, теперь она только пила соки, которые заказывала с доставкой до квартиры. Пять бутылок в день. Зеленые, желтые, белые и красные. Если верить рекламе, в них содержались все необходимые питательные вещества. В сочетании с отличным вкусом. На практике вкус у них был омерзительный. Особенно зеленая бутылка. Фэй приходилось зажимать себе нос, пока она пила эту жижу, подавляя рвотный рефлекс. Тоска по еде, которую можно было просто пожевать, доводила ее до умопомрачения.

Уже две недели она прожила на соках, лишь иногда позволяя себе фрукты. В результате она не только постоянно испытывала усталость, но к тому же вела себя нелюбезно с Жюльенной и Яком. В Интернете Фэй читала, что резкие перепады настроения – обычный побочный эффект при похудении, но не желала в это верить. Как это она не справится с простой диетой, не теряя хорошего настроения, если другие каждый день совершают чудеса? Высадились на Луне. Победили Гитлера. Построили Мачу-Пикчу. Бритни Спирс вернулась к своей карьере после срыва в 2007 году. Тогда уж и она, Фэй, сможет поголодать, оставаясь милой и любезной со своими близкими. Особенно учитывая то, что Жюльенна стала робкой и пугливой после того вечера, когда ее мама потеряла над собой контроль. Но она не могла поговорить об этом с дочерью. Просто не знала, что сказать. Убеждала себя, что время лечит все раны. Во всяком случае, с ней это было именно так.

Выходя из бутика, Фэй была настолько занята своими мыслями, что чуть не врезалась в женщину, которая широко улыбнулась ей.

– Привет! – воскликнула Лиза Якобссон. – Как приятно снова встретиться! Как твоя миленькая дочурка?

– Спасибо, с ней все прекрасно, – ответила Фэй, мучительно пытаюсь вспомнить, когда встречалась с телеведущей в жизни.

– А Як? – Лиза сочувственно склонила голову набок. – Бедняга! Похоже, он работает днем и ночью... Какое счастье, что у него есть такая заботливая жена, как ты.

Лиза продолжала рассуждать о том, какая Фэй замечательная жена, и та почувствовала, как у нее улучшается настроение. Выходит, она совсем изголодалась по комплиментам...

- Давайте как-нибудь соберемся вчетвером, - сказала Лиза.

Теперь Фэй вспомнила, что Лиза сожительствует с коллегой по телеканалу, занимающемуся развлекательными программами средней популярности. Однажды на театральной премьере Лиза и ее друг довольно долго простояли и проговорили с Яком и с ней.

- Посмотрим, - коротко ответила Фэй, и широкая улыбка Лизы вдруг стала неуверенной. - К сожалению, мне пора.

Стокгольм - джунгли, в которых она и еще несколько жен миллионеров - королевы. Фэй знала, что другие анализируют каждое ее слово, каждый взгляд, пресмыкаются и подлизываются лишь потому, что она - жена Яка.

Знала она и то, что Лиза без секундного колебания бросит своего мужчину ради Яка. Или другого такого же, как он. Женщин притягивают власть и деньги. Даже таких псевдофеминисток, как Лиза.

А богатство - это та власть, которая осталась в руках Фэй, и это чувство так опьянило ее, что на мгновение даже урчание в животе отступило. Хотя она и ненавидела себя за это.

Расставшись с Лизой, Фэй спустилась по эскалатору в парфюмерный отдел и прошла мимо огромного рекламного щита, на котором была изображена тощая модель с сильно намазанными глазами и полуоткрытым ртом. Это лишний раз напомнило ей обо всех тех килограммах, которые пока не удалось сбросить.

Як не прикасался к ней с того вечера, как забыл об их свидании; даже не смотрел в ее сторону, когда она ложилась на свою половину кровати.

В животе снова заурчало.

Фэй достала мобильный телефон и послала эсэмэску Яку.

«Я люблю тебя!» И приложила «эмодзи» в виде сердечка.

Затем зашла на страницу Яка в «Фейсбуке» и обнаружила, что он изменил фото профиля. Раньше это была фотография, изображавшая их вместе с Жюльенной перед замком Дроттнингхольм. Новая фотография представляла собой профессиональный снимок с сайта «Компэр». Фэй открыла список тех, кто «лайкнул» это фото, просмотрела профили всех молодых девушек в этом списке. Все они были как на подбор – голодные, сексапильные, в поиске. Все стройные, с дорогостоящими увеличенными губами и густыми длинными волосами.

Фэй заставила себя убрать телефон в сумочку.

Продавщицы за прилавком парфюмерии провожали ее глазами. Она взяла бутылочку духов от «Гуччи» и распылила содержимое в воздухе. Нет, не то. Она ищет более сладкий, молодежный аромат. Сделав несколько шагов назад, заметила розовую бутылочку «Ив Сен-Лоран», которая сразу привлекла ее внимание. Взяв пробную полоску, дважды нажала и понюхала. Куда лучше. Этот аромат напоминал ей что-то, но что именно – она не могла вспомнить.

Продавщицы устали пялиться на нее и отвернулись. Фэй взяла коробочку с парфюмом и положила в корзину. Разумеется, духи. Не какую-нибудь дешевую туалетную воду.

В телефоне пискнуло. Неужели Як наконец ответил?

«Ты так и не позвонила мне. Джон Дескентис».

Фэй вздохнула. Она-то надеялась, что он сам обо всем догадается, раз она ему не позвонила...

«Сожалею, но я уже забронировала другую программу. Может быть, в другой раз».

Как раз в тот момент, когда она убирала телефон в сумочку, он снова запищал.

«Мы не могли бы встретиться и поговорить?»

«Не могу. Иду в кино».

В кино? Откуда она это взяла? В юности Фэй обожала ходить в кино. Они с мамой и Себастианом красиво одевались, ехали в Греббестада, ходили в кондитерскую, а потом смотрели два фильма за один вечер. Оба фильма, которые показывали в крошечном кинотеатре. Себастиан держал ее в темноте за руку. Потом они ехали домой, наевшись попкорна и напившись газировки, и мама с Себастианом всю дорогу обсуждали кино. Только когда машина переезжала маленький мостик перед Мёрхультом, где каждый год плавали лебеди с выводком, разговоры смолкали.

Фэй поежилась. Мысли все чаще уносили ее на темные тропы...

Мобильник снова звякнул у нее в руке.

«Обожаю кино. Какой кинотеатр?»

«Риголетто».

«Отлично. Увидимся там».

Фэй покачала головой. Что происходит? С какой стати она собралась в кино с Йоном Дескентисом? Однако на душе потеплело от того, что кто-то искал встречи с ней. Может быть, это отвлечет ее от мыслей о Яке и несостоявшемся свидании?

Когда Фэй открыла тяжелую входную дверь кинотеатра, Йон Дескентис уже ждал, сидя на скамейке. На мгновение она готова была развернуться и уйти, но побоялась, что он это увидит.

– Так ты все-таки пришла, – голос звучал хрипловато, но весело. – А я-то подумал, что получится как с праздником...

Фэй уселась рядом с ним на почтительном расстоянии.

Йон Дескентис был, как обычно, в темных джинсах и черной футболке. Через руку была перекинута темно-коричневая кожаная куртка, в руке – ведро

попкорна самого большого размера.

- Как я написала, планы изменились.

- Может быть, в следующий раз, когда у него будет день рождения? - проговорил Йон, по-прежнему улыбаясь. Придвинулся ближе к ней. - Какой фильм ты собиралась смотреть?

От него исходил легкий запах одеколona, выделанной кожи и пива. Неожиданно для нее самой ее тело отреагировало на этот запах.

Она указала на афишу, где Брэдли Купер смотрел прямо в камеру ясными голубыми глазами.

- Этот я тоже с удовольствием посмотрел бы, - сказал Йон.

- Зачем тебе понадобилось со мной встречаться? - спросила Фэй. - Чего ты хочешь от меня?

- Мне подумалось, приятно было бы встретиться и поболтать, - проговорил он и поднялся. - Когда мы сидели в «Риш», ты показалась мне настоящей. В отличие от всех остальных...

Он не закончил предложение.

Фэй глубоко вздохнула.

- Прости, я не хотела тебя обидеть. Просто у меня выдался трудный день.

- У всех нас бывают такие дни. У каждого свои тайны. И свое дерьмо. Разница только в том, что о моем можно было прочесть во всех газетенках.

- Что ты сказал?

Что он имел в виду? Неужели ему известны все ее секреты?

– Как в моей песне «Тайны». «У каждого из нас свои тайны и свое дерьмо», – пою я. Но ты, вероятно, не слышала эту песню?

Двери салона распахнулись, и Йон указал на них. Фэй снова глубоко вздохнула. Увидела перед собой Себастиана и маму – как они смеются над лирической комедией, поедая попкорн из больших картонных ведерок. Свободные, пусть и на время.

Они купили билеты, и Фэй вошла вслед за Йоном в пустой зал. Они уселись на последний ряд, и Фэй снова достала телефон. Як все еще не ответил ей. В душе разрастался страх. Неужели он разлюбил ее? Неужели она больше не привлекает его?

В первые минуты фильма Фэй отчетливо ощущала на себе взгляд Йона. Она и сама не понимала, почему так происходит, но его близость действовала на нее странным образом. Не успев принять осознанного решения, протянула руку и провела по его колену. Не отрывая глаз от экрана и сурового острого профиля Брэдли Купера, расстегнула ширинку и с удивлением обнаружила, что у его спутника нет под джинсами трусов. Никто из них не произнес ни слова, но она слышала его тяжелое дыхание, и это ее возбуждало. Наклонившись, Фэй взяла его член в рот. До нее доносилось все более звучное дыхание Йона – но, как ни абсурдно, он, постанывая, продолжал то и дело запихивать в рот попкорн. В трусиках у Фэй стало мокро, она забыла, с кем находится, – сейчас она была с Яком, стараясь сделать ему хорошо, чтобы он понял, как ему повезло с ней. Не открывая глаз, поднялась, чтобы стянуть с себя трусики. Села верхом на колени Йону, Яку, и опустила на его крепкий член. Он вошел в нее, касаясь тех мест, о которых она уже успела забыть, и Фэй двигалась все резче, не открывая глаз, жарко шепча:

– Еще, Як, о, еще!..

В ту секунду, когда она кончила, Йон наполнил ее горячей и липкой жидкостью. И громко застонал, пока жаркий голос Брэдли Купера заполнял собой пустой кинозал.

Несколько мгновений Фэй сидела в объятиях Йона Дескентиса, размякшая и ошалевшая. Потом резко поднялась. По ногам текло, и то, что несколько секунд назад так возбуждало, теперь вызывало лишь брезгливость.

Схватив сумочку, она вышла из зала, не обернувшись.

Стокгольм, август 2001 года

– А что такого особенного в этом Яке Адель... как там его? – спросила я, когда Крис поставила передо мной очередной бокал пива.

– Адельхейм, – уточнила Крис и села напротив. – Ты шутить или вправду не знаешь?

– Нет. Помимо самого очевидного. Что он хорош собой, но довольно стандартный красавчик.

– Красота – что с нее? Он из дворян. Из семейства со слегка подмоченной репутацией. Все в институте мечтают с ним подружиться, все вертится вокруг него. Девчонки от него без ума. Сама я трахалась бы с ним до умопомрачения, – сухо добавила Крис.

Я только что отпила большой глоток, и мне пришлось зажать рот рукой, чтобы не забрызгать пивом весь стол. Строго говоря, в комментарии Крис не было ничего смешного, но от выпитого все вокруг завертелось, и каждое ее слово казалось забавным.

В этот момент Як и его друг направились к нашему столику. Казалось, они ищут, куда бы присесть.

– Что происходит? – прошептала Крис, сидевшая спиной, но заметившая мой любопытный взгляд.

– Они ищут себе столик... и...

Крис округлила глаза, сжала губы.

– Они идут сюда, – прошептала я.

– Проклятье! Не смотри на них! Прекрати пялиться! Лучше смейся. Смейся так, словно только что услышала лучший анекдот в своей жизни!

Я откинулась назад и рассмеялась деланным смехом, чувствуя себя невыносимо глупо. Крис тоже засмеялась. Это был громкий, преувеличенный смех – по моему, на грани безумия. Як Адельхейм и его друг дождались, пока мы отсмеемся.

– Можно мы присядем за ваш столик? – спросил он. – Обещаем не мешать.

Друг за его спиной слишком крепко сжал бокал с пивом и покачнулся, глядя вокруг слегка мутным взглядом.

– Конечно, – равнодушно ответила Крис и взглянула вверх с наигранным удивлением.

Як сел в ложу рядом со мной, а его друг уселся возле Крис, протянув мне через стол нетвердую руку.

– Хенрик.

– Ма... Фэй, – представилась я, еще не привыкнув к своей новой личности.

Сбросить с себя старую кожу оказалось труднее, чем я думала.

Повернувшись, я обменялась рукопожатием с Яком. Он улыбался мне. У него была красивая открытая улыбка. Голубые глаза смотрели прямо на меня. Он был впрямь хорош, этого я не могла отрицать. Однако у меня есть Виктор – я не из таких девушек. К тому же Крис, скорее всего, разобьет свой бокал о мой нос, если я попробую приблизиться к Яку.

– Приятно познакомиться.

Когда все обменялись рукопожатиями, Крис подалась вперед и демонстративно спросила меня, что я думаю о новом президенте США Джордже Буше. На мгновение закатив глаза, я пустилась в небольшое рассуждение, которое в целом являло собой пересказ передовицы в утреннем номере газеты «Дагенс

нюхетер». Як и Хенрик тут же включились в дискуссию, затеяв дебаты на основании моих аргументов. Як стоял на моей стороне, Хенрик возражал. Из-за уровня звука – Брайан Адамс исполнял «Summer of 69» – я слышала их лишь урывками.

Через некоторое время я уже забыла все, что Крис рассказывала о Яке. В моих глазах он стал просто отличным парнем, с которым легко разговаривать. Хенрик заказал нам всем еще пива.

– В благодарность за то, что вы разрешили нам сесть за ваш столик, – пояснил он, придвигая нам два бокала.

При этом не сводил глаз с Крис. Она же не удостоила его взглядом.

Бармен объявил, что через полчаса заведение закрывается и пора делать последние заказы. Крис заерзала.

– Мне нужно в туалет, – проговорила она.

Хенрик тут же поднялся с места, чтобы пропустить ее. Як повернулся ко мне.

– Какие у вас планы на вечер?

Я заколебалась. Покосилась на свой мобильный, все еще не принесший мне никаких вестей от Виктора.

– Ой, я даже не знаю... Крис захочет пойти куда-нибудь еще, а я пойду с ней. А вы?

Як сидел так близко, что мне стало немного неловко. Он реально действовал на меня, понимал до глубины души. Я еще не решила, как к этому относиться.

Хенрик остался стоять, оглядывая зал.

– Думаю, мы пойдем и продолжим веселиться дома у Хенрика. Само собой, вы можете присоединиться, если хотите.

– Может быть. Только я должна сначала спросить Крис.

– Хорошо, – проговорил Як, не отводя от меня глаз. – А ты чем занимаешься? Работаешь? Или учишься?

Темные густые ресницы обрамляли его глаза, от чего те казались еще синее. Наши ляжки соприкасались под столом.

– Учусь в Торговом, – небрежно ответила я, отхлебнув глоток пива.

Мне всегда с трудом удавалось скрыть свою гордость, когда я рассказывала, чего добилась. Оправилась от того, что произошло, заработала необходимые оценки, сделала то, о чем мечтали многие, – не имея тех возможностей, которые были у большинства студентов Торгово-экономического института в Стокгольме.

– Вот как? Я тоже. Ты на первом курсе?

– Ага.

Я повертела в руках бокал, размышляя, куда же подевалась Крис.

– Ну и как тебе? Нравится?

Его внимание было полностью направлено на меня, и от этого я поежилась. Мне хотелось спрятаться в тени. Виктор никогда не смотрел на меня такими глазами. Именно поэтому я чувствовала себя с ним так естественно. При нем мои тайны оставались тайнами. А Як, казалось, видел меня насквозь.

Крис вернулась к столику, с любопытством оглядела нас.

– Он... э... тебя ведь зовут Як? – неуверенно переспросила я, и он кивнул. – Як спрашивает, пойдём ли мы с ними домой к... Хенрику. Но мы ведь собирались куда-то еще?

Мне трудно было скрыть, чего мне на самом деле хочется.

В глазах Крис я прочла, что моя предприимчивость произвела на нее впечатление. Но, к моему удивлению, она лишь пожала плечами и ответила:

- Может быть. Посмотрим. Сперва я хочу потанцевать.

- Мы могли бы пойти в «Стюрекомпаниет», - вставил Хенрик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эстермальм – один из самых фешенебельных районов Стокгольма. – Здесь и далее прим. пер.

2

Здесь, по всей вероятности, имеется в виду британская писательница Фэй Уэлдон, наиболее известная своим романом «Дьяволица».

3

Кава – испанское игристое вино из Каталонии.

4

Имеется в виду Малу фон Сиверс – ведущая телепрограммы «После десяти», где она берет интервью у политиков, писателей, артистов и т. д.

5

«Хассельбаккен» – дорогой ресторан и отель в Стокгольме.

6

Да, сестра! (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/lekberg_kamilla/zolotaya-kletka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)